

ЛЕДЯЩИЙ ДУШУ ТРИЛЛЕР ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ШЕПОТ ЗА ОКНОМ»
БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES И SUNDAY TIMES

ТЕДНИ ТЕАТРА

«Чрезвычайно
атмосферно
и восхитительно
жутко».

АЛЕКС МИХАЭЛИДЕС,
автор романа «БЕЗМОЛВНЫЙ
ПАЦИЕНТ»

АЛЕКС НОРТ

Главный триллер года

Алекс Норт

Тени теней

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Норт А.

Тени теней / А. Норт — «Эксмо», 2021 — (Главный триллер года)

ISBN 978-5-04-160746-3

Все вы встречали таких подростков, как Чарли Крабтри. Темное воображение, зловещая улыбка, всегда сам по себе... Кажется, этот парень способен на нечто очень плохое. Именно это и сделал Чарли двадцать пять лет назад – совершил убийство настолько шокирующее, что даже вдохновил ряд подражателей. Сам же Крабтри бесследно исчез... как тень. Все эти годы Пол Адамс пытался стереть из памяти произошедшее: ведь и убийца, и жертва были его друзьями. Но теперь, когда его мать при смерти, Полу придется вернуться в родной городок. И тени прошлого начинают оживать... Сначала происходит одно схожее убийство, потом другое. А потом Пол находит в своем доме странные – и страшные – знаки...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-160746-3

© Норт А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть I	8
1	8
2	13
3	18
4	23
5	28
6	34
Часть II	39
7	39
8	45
9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алекс Норт

Тени теней

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Твой друг погиб, другой исчез;
И ты один бредешь сквозь лес,
Сквозь сумрак снов и пляс теней,
И путь тернистый все черней...*

Посвящается Линн и Заку

Пролог

В итоге в отдел полиции меня отвезла мать.

Полицейские хотели сами доставить меня туда на заднем сиденье патрульной машины, но получили решительный отказ. Впервые на моей памяти мать вышла из себя. Я, пятнадцатилетний пацан, стоял в кухне, зажатый по бокам двумя здоровенными констеблями, а она перегородила им дверь. Помню, как менялось выражение ее лица, пока они объясняли ей, почему они здесь и о чем хотят со мной побеседовать. Поначалу услышанное вызвало у нее недоумение, вскоре сменившееся чем-то больше похожим на страх, когда она посмотрела на меня и увидела, насколько я растерян и испуган.

И хотя моя мать была женщиной маленькой и хрупкой, что-то в тихой ярости ее голоса и решительности позы заставило этих здоровяков отодвинуться от меня. Пока мы ехали через весь поселок вслед за патрульным автомобилем, я оцепенело застыл на пассажирском сиденье слева от нее, сидящей за рулем.

Когда перед нами показалась старая детская площадка, машина впереди сбавила ход.

– Не смотри! – приказала мне мать.

Но я не смог удержаться. Увидел натянутые вокруг площадки ленты оцепления. Запрудивших улицу полицейских с мрачными лицами. Множество машин, выстроившихся вдоль тротуара, бесшумное вращение синих огней под вечерним солнцем. А еще увидел старую детскую горку-лазалку – примитивное сооружение из стальных труб со множеством горизонтальных перекладин. Вытоптанная земля под ней всегда была уныло-серой, но теперь я заметил, что она запятнана ярко-красными кляксами. Атмосфера вокруг казалась тихой и торжественной, едва ли не благоговейной, как в церкви.

И тут машина впереди окончательно остановилась.

Полицейские хотели, чтобы я хорошенько рассмотрел сцену, за которую, по их убеждению, я был ответственен.

«Надо что-то решать с Чарли...»

Эта мысль не отпускала меня целые месяцы, приведшие к тому дню, и я до сих пор помню беспомощную тоску, которую она всегда вызывала. Мне было всего пятнадцать лет, и это было несправедливо. Казалось, что всю мою жизнь ограничивают и контролируют окружающие меня взрослые, и все же никто из них, похоже, так и не заметил черный цветок, гниющий прямо посреди цветущего сада. Или же они решили, что пусть его – травка по соседству, которую он отравляет, не так уж и важна.

Нельзя было оставлять меня один на один с Чарли...

Теперь я это понимаю.

И все же, когда я сидел тогда в машине, чувство вины, которое они хотели у меня вызвать, затопило меня с головой. Чуть раньше в тот день я бродил по пыльным улицам, шурясь на солнце и потея на летней жаре, и заметил прямо на этой детской площадке Джеймса. Самого старого своего друга. Крошечную одинокую фигурку вдали, неуклюже нахохлившуюся на нижней перекладине лазалки. И хотя мы не разговаривали уже несколько недель, я прекрасно знал, что он там делает – ждет Чарли и Билли.

И я просто прошел мимо.

Несколько полицейских возле горки обернулись на нас, и на миг показалось, будто абсолютная тишина и нацеленные на меня осуждающие взгляды намертво зажали меня со всех сторон.

И тут я вздрогнул, поскольку эту тишину вдруг разорвал какой-то оглушительный звук.

Лишь через секунду я осознал, что мать навалилась на руль, включив сигнал. В этой почти церемониальной обстановке режущий уши рев автомобильного гудка прозвучал бого-

хульственным диссонансом – как чей-то отчаянный крик на похоронах, – но когда я посмотрел на мать, губы у нее были плотно сжаты, а взглядом она яростно сверлила полицейскую машину впереди. Мать не отнимала рук от руля, и звук все не смолкал, разносясь по всему поселку.

Пять секунд.

– Ма.

Десять секунд.

– *Ма!*

А потом полицейский автомобиль перед нами медленно двинулся с места. Мать убрала руку с сигнала, и вновь воцарилась тишина. Когда она повернулась ко мне, выражение лица у нее почему-то было одновременно и беспомощным, и решительным, словно моя боль была ее собственной и она задалась целью полностью переложить свалившуюся на меня ношу на собственные плечи.

Потому что я – ее сын, и ее дело – присматривать за мной.

– Все будет хорошо, – произнесла она.

Я ничего не ответил. Просто уставился на нее в ответ, проникаясь серьезностью ее голоса и убежденностью у нее на лице, а также испытывая благодарность за то, что рядом есть тот, кто присматривает за мной – пусть даже я сам никогда в этом не признался бы. Благодарность за то, что есть кому позаботиться обо мне. Что есть тот, кто настолько верит в мою невиновность, что даже не видит нужды высказывать это вслух.

Кто пойдет на что угодно, чтобы защитить меня.

После того, что показалось чуть ли не вечностью, мать кивнула каким-то своим мыслям, опять перевела взгляд на дорогу и тронула машину с места. Мы последовали за нашими конвоирами к выезду из поселка, оставив скопление автомобилей с мигалками, провожающих нас взглядом полицейских и запятнанную кровью детскую площадку позади. И слова матери по-прежнему эхом отдавались у меня в голове, когда с узких поселковых улочек мы выехали на двухполосную автомагистраль.

«Все будет хорошо».

Двадцать пять лет прошло с тех пор, но я по-прежнему постоянно об этом думаю. Это именно то, что все хорошие родители говорят своим детям. И все же, к чему все это на самом деле сводится? Это лишь то, на что ты надеешься, чего желаешь, оставаясь при этом заложником случая. Это обещание, которое ты не можешь не дать, и то, во что ты изо всех сил должен верить, поскольку что еще остается?

«Все будет хорошо».

Да, я часто об этом думаю.

О том, как каждый хороший родитель это говорит и как часто при этом ошибается.

Часть I

1

В наши дни

В тот день, когда все это началось, детектив Аманда Бек формально была не на службе. Провалилась в кровати допоздна. Разбуженная в ранние часы знакомым кошмаром, все цеплялась за тонкие ниточки сна, сколько могла, и лишь где-то к полудню наконец встала, приняла душ и приготовила кофе. Парнишку прямо в тот момент уже убивали, но никто еще про это не знал.

В середине дня Аманда села в машину и отправилась навестить отца. Ехать было недалеко. Когда она подкатила к Роузвуд-гарденз, там уже стояло несколько машин, но людей не было видно. Вокруг царил полнейшая тишина, пока она шла между цветочными клумбами извилистой тропинкой, ведущей к воротам, а потом двинулась изученным за два с половиной года маршрутом, сворачивая у приметных надгробий, ставших для нее привычными ориентирами.

Странно ли думать о мертвых как о друзьях?

Наверное, да, но какая-то часть ее так и поступала. Она приезжала на кладбище как минимум раз в неделю, а значит, чаще встречалась с лежащими здесь людьми, чем с горсткой тех живых и здравствующих друзей, которые у нее имелись. Аманда мысленно отмечала своих потусторонних знакомых в голове, проходя мимо. Вот могила, которая всегда хорошо ухожена – постоянно свежие цветы. А вон и та, что со старой пустой бутылкой из-под бренди, неустойчиво пристроившейся на камне. Дальше участок, заваленный мягкими игрушками, – детская могила, предполагала Аманда, и подарки, оставленные безутешными родителями, которые так и не сумели до конца расстаться со своим ребенком.

И, наконец, за последним поворотом – могила отца.

Остановившись, она затолкала руки в карманы куртки. Участок отмечал прямоугольный надгробный камень, массивный и незыблемый – такой, каким Аманда помнила отца с самого детства. Было что-то родное в суровой простоте этого камня – в том, как лишь имя и пара дат отмечали прошедшую жизнь. Никакого пафоса, в точности так, как ему и хотелось бы. Дома отец был любящим и заботливым человеком, но всю свою жизнь он прослужил в полиции и даже умер на работе, в собственном кабинете под конец рабочего дня, до самого конца выполняя свой служебный долг. Представлялось правильным отразить эту черту его характера при выборе надгробия. Она нашла то, что выполняло требуемую задачу – и выполняло хорошо, – но держало эмоции в стороне.

«И чтоб никаких цветов на моей могиле, Аманда!»

«Если я ушел – значит, ушел».

Один из множества приказов, которым она послушно следовала.

Но, господи: все равно тоскливо не укладывалось в голове, что его больше нет в этом мире! Ребенком Аманда боялась темноты, и всегда как раз отец приходил на ее зов. Когда он работал в ночную смену, она всегда ощущала тревогу, словно под ее болтающимися в пустоте ногами вдруг не оказывалось страховочной сетки и некому было бы поймать ее, если она упадет. Аманда и сейчас порой испытывала подобное чувство. Где-то в самой глубине головы постоянно копошилась смутная мысль, что что-то не так, что чего-то не хватает, и оставалось лишь надеяться, что со временем это пройдет; но тут она вспоминала, что отца больше нет, и осознание непреложного факта обрушивалось на нее с прежней силой. Если она позовет сейчас, никто не прибежит к ней в ночи.

Аманда плотнее запахнула куртку.

«И не разговаривать со мной, когда меня не станет!»

Еще один приказ. Так что, приходя на его могилу, она просто стояла, погрузившись в собственные мысли. Как и он сам, Аманда не была особо религиозным человеком, так что не видела смысла произносить что-либо вслух. В конце концов, некому было теперь ее услышать – возможность задать друг другу какие-то вопросы осталась в прошлом. Она осталась наедине с коротким жизненным периодом опыта и мудрости, который отец подарил ей, и ей теперь оставалось лишь мысленно просеивать его. Подносить его частички к свету, сдувать с них пыль, проверять, что из всего этого работает и что она может использовать.

Беспристрастно.

Сдержанно.

Прагматически.

Так, каким был он сам, когда дело доходило до его работы. Аманда часто обдумывала совет, который он ей как-то дал: когда видишь что-то действительно страшное, мысленно убери это в прочную коробку. Постоянно держи ее плотно закрытой у себя в голове и открывай лишь затем, чтобы бросить в нее что-нибудь еще. Работу и то, что тебе приходится лицеизреть, выполняя ее, нужно любой ценой держать подальше от собственной жизни.

Все это звучало так просто, так четко...

Отец очень гордился тем, что Аманда поступила в полицию, и хотя она всем сердцем скучала по нему, существовала также и некая маленькая часть ее, которая втайне радовалась, что его не было рядом и он не мог знать, что представляла собой ее жизнь эти два последних года. Не мог знать про «коробку ужасов» у нее в голове, которая и секунды не оставалась запертой. Про кошмары, которые снились ей по ночам. Про то, что, как оказалось, она не стала таким полицейским, каким был он сам, – Аманда уже сомневалась, под силу ли ей это вообще.

И хотя она послушно следовала требованию отца не разговаривать с ним, это не останавливало ее от мыслей о нем. Сегодня, как и всегда, Аманда размышляла, насколько он был бы разочарован.

Она уже возвращалась к машине, когда зазвонил ее телефон.

* * *

Через полчаса Аманда уже опять была в Фезербэнке и шла через пустырь, раскинувшийся на окраине городка.

Она просто ненавидела это место. Ненавидела эти грубые и колючие, опаленные солнцем кусты. Тишину и уединение. То, что даже сам воздух всегда казался здесь каким-то нездоровым, словно окружающая ее местность настолько прогнила и прокисла, что пропитавшую землю отраву можно было ощутить на каком-то первобытном уровне.

– Вот тут его и нашли вроде?

Детектив Джон Дайсон, шагающий рядом с ней, ткнул пальцем в сторону зарослей чахлых, просвечивающих насквозь кустов. Как и все остальное, что ухитрилось расти здесь, они были жесткими, сухими и колючими.

– Угу, – отозвалась Аманда. – Здесь.

«Тут его и нашли».

Только вот для начала тут его потеряли. Два года назад здесь пропал маленький мальчик, который возвращался этой дорогой домой, а потом, несколько недель спустя, его тело бросили в том же самом месте¹. Дело было поручено ей. События, которые за этим последовали, отправили ее карьеру в некое подобие свободного падения. До этого погибшего мальчишки Аманда

¹ Упомянутые события описаны в романе А. Норта «Шепот за окном». – *Здесь и далее прим. пер.*

представляла себе, как годами будет взбираться по служебной лестнице, намертво заперев ту коробку в голове, но оказалось, что она совершенно себя не знала.

Дайсон кивнул каким-то своим мыслям.

– Надо было забор тут поставить. Чтоб даже мышь не проскочила.

– Преступления совершают люди, – произнесла Аманда. – Если они перестанут совершать их в одном месте, то просто найдут себе какое-нибудь другое.

– Наверное...

Прозвучало это без особой убежденности, но, похоже, на самом деле подобная тема его мало заботила. Дайсон, как считала Аманда, вообще был малость туповат. В его оправдание стоило заметить, что он, по крайней мере, вроде как и сам это признавал, и вся его карьера была отмечена полнейшим отсутствием каких-либо амбиций. В свои нынешние пятьдесят с небольшим он просто выполнял предписанные служебным распорядком обязанности, получал зарплату и каждый вечер уходил с работы домой, даже ни разу не обернувшись. Она в чем-то завидовала ему.

Густая линия деревьев, отмечающая край заброшенного карьера, была теперь уже прямо перед ними. Аманда обернулась. Лента ограждения, которую она распорядилась протянуть вокруг пустыря, скрывалась за подлеском, но Аманда ее уже просто чувствовала. И где-то за ней, естественно, невидимые шестеренки предварительного расследования уже начинали набирать обороты.

Они подошли к деревьям.

– Здесь смотри под ноги, – предупредил Дайсон.

– Сам смотри.

Аманда намеренно обогнала его и пошла впереди. Отогнув обвисший кусок хлипкой проволочной сетки, отделяющей пустырь от карьера, поднырнула под нее. Немного в стороне торчал выцветший предупреждающий знак, никак не мешающий местной ребятне исследовать эту территорию. Наверное, он скорее служил даже чем-то вроде приманки – будь она ребенком, наверное, воспринимала бы его именно так. Но Дайсон был прав. Уклон здесь был крутым и коварным, и Аманда сосредоточилась на том, куда ставить ногу, спускаясь впереди. Если она прямо сейчас у коллеги на глазах поскользнется и проедется на задку, то придется просто убить его к чертям, чтобы сохранить лицо.

Стены карьера были опасно крутыми, и спускалась она осторожно. Корни и ветки, добела пропекшиеся на гнетущей летней жаре, свисали вдоль каменистого откоса, как порванные жилы, и Аманда то и дело цеплялась за их шершавые пружинящие завитки, чтобы удержать равновесие. Карьер был метров пятидесяти в глубину, и она испытала облечение, наконец ощутив под ногами ровную почву.

Через секунду подошвы Дайсона ширкнули по камню рядом с ней.

И после этого – ни звука.

Было в этом карьере что-то жутковатое, взвешное. Он казался замкнутым и изолированным от всего на свете, и хотя солнце над пустырем по-прежнему жарило на всю катушку, здесь температура была заметно ниже. Аманда оглядела россыпи камней и пучки желтоватых кустов, которые росли здесь. Это был натуральный лабиринт.

Лабиринт, дорогу в котором им уже подсказал Эллиот Хик.

– Вон туда, – сказала она.

Раньше в тот день возле расположенного неподалеку дома задержали двух парней-подростков. Один из них, Эллиот Хик, был на грани истерики; второй, Робби Фостер, отстранен и странно спокоен. Каждый сжимал в руках нож и толстую тетрадь, и оба были чуть ли не с головы до ног в крови. Задержанных уже отвезли для допроса в отдел, но Хик успел рассказать старшему опергруппы, что они оба сделали и где искать результаты их действий.

Это совсем недалеко, сообщил он.

Метров сто или около того.

Аманда не спеша пробиралась среди россыпи камней, двигаясь медленно и осторожно. Тишина давила на уши, как где-нибудь под водой, и сердце опасно сжималось при мысли о том, что они вот-вот увидят. Если Хик сказал правду, естественно. Всегда оставалась вероятность того, что ничего вообще не будет обнаружено. Что все это не более чем какой-нибудь идиотский розыгрыш.

Вытянув руку, Аманда сдвинула вбок пучок колючих веток. Мысль о розыгрыше казалась абсурдной, но была определенно предпочтительней мысли о том, что сейчас она выйдет на открытое пространство и...

Она замерла на месте.

И увидела это.

Выбравшись из-за кустов, Дайсон встал рядом с ней. Дыхание у него немного участилось – хотя непонятно, из-за физической ли нагрузки при спуске и преодоления зарослей или же из-за зрелища, открывшегося теперь перед ними.

– Господи Иисусе, – пробормотал Дайсон.

Полянка имела вид грубого шестиугольника, кочковатого, но в основном плоского и ограниченного со всех сторон деревьями и зарослями кустарника. Уже во всем этом антураже было что-то оккультное, и это первое впечатление еще больше усиливалось совершенно невероятной немой сценой, поставленной здесь.

Тело располагалось метрах в пяти от них, в самом центре. Оно застыло в коленопреклоненной позе, согбенное, как при молитве, тонкие руки откинута назад и покоятся на земле, как сломанные крылья. Похоже, принадлежало оно мальчишке-подростку. На нем были шорты и футболка, задранная до подмышек, но из-за обилия крови трудно было понять, какого цвета была одежда. Взгляд Аманды пробежался по мертвецу. Голый торс весь истыкан ножом, вытекшая из ран кровь застыла длинными бледно-бурыми мазками. Более глубокая лужа скопилась под головой, которая неловко завалилась набок, едва держась на шее, – лицом, к счастью, в сторону от Аманды.

«Беспристрастно», – напомнила себе она.

«Сдержанно».

«Прагматически».

На миг весь мир совершенно застыл. А потом Аманда увидела кое-что еще и нахмурилась.

– Что это там на земле? – спросила она.

– Блин, да труп какого-то парнишки, Аманда!

Не обращая внимания на Дайсона, она сделала пару осторожных шажков вглубь полянки, стараясь не нарушить обстановку на месте преступления, но отчаянно пытаясь понять смысл того, что видит. На каменистой почве обнаружилась еще кровь, расплывшаяся вокруг тела со всех сторон. Густо-красный круг выглядел слишком ровным, чтобы такое вышло случайно, но лишь когда Аманда подошла к кровавым пятнам вплотную, то окончательно осознала, что они собой представляют.

Уставилась на них, безостановочно двигая глазами.

– Ну, что там? – крикнул Дайсон.

И вновь она не ответила, но на сей раз потому, что просто не совсем понимала, как ответить. Дайсон подошел ближе. Аманда ожидала еще одного изумленного восклицания, еще каких-то попыток хорохориться, но он сохранил молчание, и она поняла, что Дайсон так же потрясен, как и она сама.

Аманда попыталась сосчитать пятна, но было трудно отследить их все до единого. Они наслаивались друг на друга, образуя слившуюся в одно целое пеструю мешанину.

Камень под телом был буквально усеян кровавыми отпечатками ладоней, аккуратно прижатых к земле.

2

Хоспис, в котором умирала моя мать, располагался на территории больницы в Гриттене. Как по мне – довольно мрачноватое сочетание. На долгом пути по сельским дорожкам я размышлял, почему бы им не поступить по принципу «бог троицу любит» и не пристроить к обоим учреждениям еще и кладбище с ведущим к нему конвейером. Но местность оказалась довольно симпатичной. Сразу за больницей узенькая дорожка лениво отворачивала вбок, огибая тщательно подстриженные газончики, усыпанные яркими цветочными клумбами и посаженные яблонями, а потом переваливала через небольшой мостик с журчащим под ним ручейком. День был жаркий, и я опустил боковое стекло машины. Воздух снаружи был напоен густым запахом свежескошенной травы, а шум бегущей по камням воды словно наполнен жизнерадостным детским смехом – вполне умиротворяющее окружение, чтобы провести в нем последние дни своей жизни.

Через минуту я подъехал к двухэтажному зданию, почерневшие стены которого почти сплошь затягивали густые побеги плюща. Шины захрустели не по обычному гравию, а по укатанной глади из аккуратно обкатанных водой гольшей. Когда я вырубил мотор, единственным донесшимся до меня звуком была негромкая трель какой-то птицы, что лишь подчеркивало царящую вокруг полнейшую тишину.

Прикурив сигарету, я еще немного посидел в машине.

Даже сейчас было еще не поздно развернуться и уехать.

На дорогу сюда ушло четыре часа, и все это время я все более ощущал вокруг себя присутствие Гриттена, а порождаемый им подспудный страх усиливался с каждой оставшейся позади милей. Пусть небо и было ясным и чистым, но казалось, что я въезжаю напрямик в грозу, так что я почти ожидал услышать рокот грома вдаль и увидеть вспарывающие небо вспышки молний на горизонте. К тому времени, как моя машина катилась убогими улицами и унылыми участками промзоны, мимо рядов дышащих на ладан магазинов, фабрик и хозяйственных дворов, заваленных мусором и битым стеклом, мне было уже так тошно, что стоило больших усилий немедленно не развернуть автомобиль.

Теперь я курил, и мои руки дрожали.

Я не был в Гриттене уже ровно двадцать пять лет.

«Все будет хорошо», – сказал я себе.

Затушив сигарету в пепельнице, выбрался из машины и двинулся ко входу в хоспис. Стеклопакеты дверей разъехались по сторонам, открыв чистую минималистичную приемную со сверкающим черно-белым полом. Назвав свое имя у стойки, я немного подождал, вдыхая запах полироля и дезинфектанта. Помимо позвякивания столовых приборов где-то далеко в стороне, в здании было тихо, как в библиотеке, и мне захотелось откашляться – просто потому, что казалось, этого делать нельзя.

– Мистер Адамс? Сын Дафны?

Я поднял взгляд. Ко мне подходила какая-то женщина. Лет двадцати пяти, невысокая, с бледно-голубыми волосами и множеством пирсинга в ушах, в повседневной одежде. Явно не медсестра или санитарка.

– Да, – отозвался я. – А вы, наверное, Салли?

– Да, это я.

Мы обменялись рукопожатием.

– Зовите меня просто Пол.

– Договорились.

Салли провела меня сначала наверх, а потом опять вниз в какое-то больничного вида отделение с тихими коридорами, по пути поддерживая со мной вежливый разговор.

– Как доехали?

– Нормально.

– Давно не бывали в Гриттене?

Я сказал ей. Она явно поразилась.

– Вот так да! У вас тут еще есть друзья и знакомые?

Вопрос заставил меня подумать о Дженни, и сердце слегка скакнуло. Интересно, подумал я, каково было бы увидеть ее после стольких лет.

– Не знаю, – ответил я.

– Наверное, все дело в расстоянии? – спросила Салли.

– Да, пожалуй.

Она имела в виду географию, но расстояние – это не только дистанция между точками на карте. Да, сегодняшняя автомобильная поездка заняла четыре часа, но этот короткий переход по коридорам хосписа показался мне куда длинней. И хотя четверть века – это довольно объемистый и увесистый отрезок истории, я внутренне поевживался. Будто и не было всех этих лет, и то, что случилось здесь, в Гриттене, много лет назад, могло с равным успехом произойти вчера.

«Все будет хорошо».

– Ну что ж, я рада, что вам удалось приехать, – заключила Салли.

– Летом на работе всегда затишье.

– Вы ведь профессор, насколько я понимаю?

– Господи, нет! Да, я преподаю, но не настолько большая шишка.

– Литературное творчество?

– Это одна из дисциплин.

– Дафна очень гордится вами, вы в курсе? Всегда повторяет мне, что в один прекрасный день вы станете знаменитым писателем.

– Я не пишу. – Я немного помедлил. – А она и вправду так говорит?

– Да, именно так.

– Не знал...

Но в последние годы в жизни моей матери вообще было очень много чего, о чем я не знал. Где-то раз в месяц мы могли пообщаться по телефону, но это всегда были короткие разговоры практически ни о чем, в которых она расспрашивала обо мне, а я ей врал, причем сам ни о чем ее не расспрашивал, так что ей врать не приходилось. Она никогда даже не намекнула мне, что что-то не так.

А потом, три дня назад, мне позвонила Салли, социальный работник моей матери. Я и знать про нее не знал. Равно как не знал и том, что мать уже годами страдает от неуклонно прогрессирующей деменции и что более полугода назад ее рак признали неизлечимым. Что в последние недели она настолько ослабла, что ей стало тяжело подниматься по лестнице, и по этой причине ей приходилось почти постоянно обитать на первом этаже своего дома. Что мать категорически отказывалась переселиться туда, где ей будет обеспечен надлежащий уход. Что как-то вечером на этой неделе Салли вошла в дом и нашла ее лежащей без сознания в самом низу лестницы.

Похоже, что либо от тоски, либо потеряв ориентацию, мать сделала попытку подняться на второй этаж, и тело предало ее. Полученная черепно-мозговая травма оказалась пусть и не смертельной, но довольно серьезной, и в результате падения все остальные ее болячки накиннулись на нее с новой силой.

Я так многого не знал...

Времени мало, сказала мне тогда Салли. Могу я приехать?

– Дафна в основном спит, – говорила она мне сейчас. – Ей обеспечен паллиативный уход и болеутоляющие, и пока она держится, как может. Но то, как все будет складываться в бли-

жайшие несколько дней... Думаю, она будет засыпать все более часто и на более продолжительные промежутки времени. И со временем...

– Не проснется?

– Совершенно верно. Просто тихо уйдет из жизни.

Я кивнул. Наверное, это была бы хорошая смерть. Поскольку никому ее не избежать, пожалуй, это как раз то, о чем может мечтать любой из нас – тихо уйти во сне. Некоторые убеждены, что и после этого продолжают сниться сны и кошмары, но лично я никогда не разделял эту точку зрения. Мне-то лучше большинства остальных известно, что такое происходит в неглубоких стадиях сна, а я всегда надеялся, что смерть – это куда более глубокая стадия.

Мы остановились перед дверью.

– Она в ясном уме? – спросил я.

– Бывает по-всякому. Иногда она узнает людей и вроде понимает, где находится. Но чаще всего все выглядит так, будто ваша мама в каком-то совсем другом месте и времени. – Салли толкнула дверь и понизила голос. – О, вот она, наша лапочка.

Я последовал за ней в комнату, мысленно подготовившись к тому, что сейчас увижу. Но это все равно оказалось ударом. К ближайшей стене была придвинута больничная койка – с колесиками на ножках и всякими рычагами, чтобы менять ее положение. Сбоку к ней было приставлено куда больше всякой аппаратуры, чем я ожидал: тележка с целой батареей мониторов и стойки с прозрачными мешками, из которых тянулись трубки к лежащей под простыней фигуре.

К моей матери.

Я пошатнулся. Я не видел ее двадцать пять лет и теперь, когда стоял в дверях, на миг вообразил, будто кто-то сделал ее восковую модель – но гораздо более маленькую и хрупкую, чем тот образ, что сохранился у меня в памяти. Мое сердце часто задергалось в груди. Ее голова с одного бока была забинтована, и та часть лица, которая оставалась на виду, была желтой и неподвижной, со слегка раздвинутыми губами. Практически несмятые простыни лежали так, как их кто-то уложил, едва позволяя различить контуры тела под ними, и на миг я даже засомневался, жива ли она.

Салли оставалась невозмутимой. Она подошла ближе и слегка наклонилась, изучая мониторы. Я уловил легкий аромат цветов в вазе на столе рядом с аппаратурой, но этот запах неприятно перебивался еще каким-то слабым душиком – более приторным и нездоровым.

– Можете посидеть с ней, конечно. – Покончив с осмотром, Салли выпрямилась. – Но лучше все-таки ее не тревожить.

– Не буду.

– Вода – на столе, если она проснется и захочет пить. А если возникнут какие-то проблемы, вон кнопка вызова. – Она указала на ограждение кровати.

– Спасибо, – сказал я.

Уходя, Салли закрыла за собой дверь.

И опять тишина.

Хотя и не полная. Окно рядом с кроватью было приоткрыто, и мне было слышно мирное, усыпляющее жужжание газонокосилки, доносящееся откуда-то издалека. И, поверх него, медленные, глубокие вдохи, которые делала моя мать. Между ними повисали долгие отрезки пустых секунд. Опустив на нее взгляд, я впервые заметил розовый цветочный узор на простынях, и при виде их в голове зашевелились призрачные воспоминания. Цветочки были не такие, какие я помнил с детства, но очень похожие. Салли, должно быть, забрала постельное белье из дома, чтобы мать чувствовала себя здесь в более привычной обстановке.

Я огляделся. Почти такая же комнатка была у меня в общежитии на первом курсе университета: маленькая, но уютная, с собственной ванной комнатой в углу, с письменным столом и шкафом у стены напротив кровати... На столе обнаружилась россыпь всякой всячины.

Некоторые предметы имели непосредственное отношение к медицине – пустые флаконы, начатые блистеры с таблетками, клочки ваты, – но другие выглядели более обыденно, более знакомо. Пара аккуратно сложенных тряпочек. Очки в открытом футляре. Старая свадебная фотография моих родителей – помню, она красовалась на каминной полке, когда я был ребенком, – теперь тоже была здесь, причем поставленная под таким углом, чтобы матери было видно ее с кровати, если она проснется.

Я подошел к столу. Фото было свидетельством радостного события, но хотя мать на нем улыбалась и светилась надеждой, лицо отца выглядело столь же суровым, как и всегда. Это единственное выражение его лица, которое я помню с детства, – было ли оно освещено светом костров, которые он постоянно разводил на заднем дворе, или же пряталось в тени коридора, когда мы расходились в нем, не обменявшись и словом. Он всегда был серьезен и хмур – человек, недовольный абсолютно всем в своей жизни, – и мы оба были только рады избавиться друг от друга, когда я наконец покинул отчий дом. На протяжении всех этих лет нашего телефонного общения мать ни разу и словом о нем не обмолвилась. А когда он умер шесть лет назад, я не стал приезжать в Гриттен на похороны.

Бросив взгляд на стол, я увидел еще кое-что, чего не заметил сразу, – толстую книгу, лежащую обложкой вниз. Она была старой и потрепанной, а корешок слегка покособился, словно ее некогда чем-то облили, да так и оставили сушиться в раскрытом виде. Моя мать никогда не была особой любительницей чтения: отец всегда относился к художественной литературе презрительно-насмешливо – как, впрочем, и ко мне и моей любви к ней. Наверное, мать приохотилась к чтению после его смерти и как раз эту книгу читала перед происшествием. Еще один отзывчивый поступок со стороны Салли, хотя казалось излишним оптимизмом воображать, что теперь мать ее дочитает.

Перевернув книгу, я увидел красную, злобно ухмыляющуюся физиономию дьявола на обложке и быстро отдернул руку – кончики пальцев кольнуло, как от ожога.

«Люди кошмаров».

– Пол?

Вздвигнув, я обернулся. Мать проснулась. Перевернулась на бок и оперлась на локоть, чуть ли не с подозрением приглядываясь ко мне одним видимым мне глазом. Волосы ее свисали на подушку тонкой седой прядкой.

Мое сердце забило слишком быстро.

– Да, – тихо отозвался я, пытаясь успокоиться. – Это я, ма.

Она нахмурилась.

– Тебе... нельзя здесь находиться.

Возле кровати стоял стул. Я медленно подошел и опустился на него. Ее взгляд следовал за мной, столь же настороженно-опасливый, как у животного, в любой момент готового удариться в бегство.

– Тебе нельзя здесь находиться, – повторила она.

Еще секунду мать неотрывно смотрела на меня. А потом ее лицо немного смягчилось, она подалась ко мне и заговорщицки прошептала:

– Надеюсь, хоть Айлин сейчас тут нету.

Я беспомощно оглядел комнату.

– И вправду нет, ма.

– Вообще-то не следовало мне этого говорить... Но мы-то с тобой знаем, что она за *гадина*! Бедный Карл! – Вид у нее был опечаленный. – И бедный маленький Джеймс... Мы ведь делаем это только ради него, правда? И сам знаешь, по-моему. Нам ни к чему высказывать это вслух, но ты наверняка понимаешь.

«Все выглядит так, будто она в каком-то совсем другом месте и времени».

И это место и время я сразу узнал.

– Да, ма, – произнес я. – Конечно, понимаю.

Она опять осторожно улеглась на спину и прикрыла глаза, прошептав:

– Тебе нельзя здесь находиться...

– Не хочешь водички? – спросил я.

Какое-то время моя мать никак не реагировала. Просто лежала, размеренно дыша, словно вопросу требовалось время, чтобы пробраться по запутанному лабиринту ее сознания. У меня не было уверенности, что он достигнет конечной точки, но в данный момент я не мог придумать, что сказать еще. И тут она вдруг резко очнулась опять, рывком сев на кровати. Переломившись в поясе, протянула руку и ухватила меня за запястье так быстро, что я не успел отпрянуть.

– *Тебе нельзя здесь находиться!* – выкрикнула она.

– Ма...

– Красные руки, Пол! Красные руки повсюду!

Ее широкие немигающие глаза уставились на меня в совершеннейшем ужасе.

– Ма...

– Красные руки, Пол!

Отпустив меня, она рухнула обратно на подушку. Я встал и, спотыкаясь, немного попятился от нее – на руке у меня остался белый отпечаток от ее стиснутых пальцев, резко выделяющийся на коже. Я представил себе горку-лазалку и землю, запятнанную алым, а ее слова все повторялись и повторялись у меня в голове в такт биению сердца.

«Красные руки, красные руки, красные руки повсюду...»

– Господи, это прямо в доме, Пол!

И тут лицо моей матери мучительно исказилось, и она выкрикнула, обращаясь к потолку – или, может, к чему-то невидимому у нее над головой:

– Прямо в этом чертовом доме!

И в панике, обжегшей все мое тело, я стал лихорадочно нащупывать кнопку вызова.

3

На летних каникулах, когда мне было четырнадцать, мать повезла меня и моего друга Джеймса посмотреть на «Гриттен-парк», нашу новую школу. Прямо с утра мы были уже возле дома Джеймса, и помню, как мать шепнула мне, когда мы подходили к крыльцу:

– Надеюсь, что Айлин нет дома.

Я кивнул. Я тоже на это надеялся. Айлин звали мать Джеймса, но по тому, как она с ним обращалась, вы никогда об этом не догадались бы. В ее глазах Джеймс ничего не делал как следует – если допустить, что она вообще его замечала. Я всегда ее побаивался. От нее вечно несло бренди, и, казалось, курила она просто без перерыва, придерживая руку с сигаретой за локоть и подозрительно наблюдая за тобой – с таким видом, будто ты у нее что-то украл.

Но открыл дверь тем утром Карл.

Карл – это отчим Джеймса, и он мне жуть как нравился. Настоящий отец Джеймса бросил Айлин, еще когда та была беременна. Карл воспитал Джеймса как своего собственного сына. Человек он был простой, кроткий и добрый, и хотя я был рад, что у Джеймса такой отчим, но никак не мог понять, как он в итоге связался с теткой вроде Айлин. Карл и моя мать были близкими друзьями с самого детства, и я подозревал, что для нее это тоже было загадкой. За несколько лет до этого я как-то подслушал разговор между ними. «Знаешь, твоя жизнь могла быть намного лучше», – сказала ему моя мать. После довольно долгого молчания Карл ответил: «Вообще-то не думаю».

Вид у Карла в тот день был усталый, но он тепло улыбнулся нам обоим, прежде чем обернуться и позвать Джеймса, который появился через несколько секунд. На нем были старые треники, потрепанная футболка, на лице – неловкая улыбка. Он всегда был тихоней – застенчивым, робким и беззащитным малым – и отчаянно стремился угодить всему миру, но никогда точно не знал, что тому требуется.

И при этом был моим лучшим другом.

– Ну ладно, пошли, пострелята, – сказала моя мать.

Мы втроем двинулись от дома к двухполосной автомагистрали, соединяющей наш поселок с остальным Гриттеном. Утро было теплое, в густом воздухе клубилась пыль пополам с мошкаррой. Металл надземного перехода загромыхал у нас под ногами, когда мы двинулись к грязной автобусной остановке на другой стороне. Внизу безучастно летел нескончаемый поток фургонов и грузовиков, словно выстреливая у нас из-под ног. На улочках нашего поселка машин раз-два и обчелся, и хотя формально это пригород Гриттена, его и не на всякой карте отыщешь. Даже само его название – Гриттен-Вуд – больше наводит на мысли об огромном лесе, на самом краю которого и пристроился поселок², чем о том, что здесь могут жить люди.

Наконец через какое-то время вдали показался автобус.

– Билеты купили? – спросила моя мать.

Мы оба кивнули, но я закатил глаза на Джеймса, и он улыбнулся в ответ. С автобусами мы давно уже освоились, а в прошлой учебной четверти успели побывать и в «Гриттен-парк» – после того, как выяснили, что маленькая средняя школа, которую мы посещали до сих пор, должна закрыться. Пусть Джеймс мог в этом и не признаваться, но перспектива оказаться в следующем учебном году в новом, совершенно незнакомом учебном заведении его откровенно пугала, так что моя мать нашла способ помочь, не ставя его в неловкое положение, а я был только рад ей в этом подыграть.

Ехать было где-то с полчаса. Большая часть Гриттена просто-таки сочилась бедностью, и вид за окнами автобуса был таким тусклым и однообразным, что даже я с трудом отличал

² Гриттен-Вуд (англ. Gritten Wood) – Гриттенский лес.

пустые участки от занятых. Единственное, чего мне хотелось, это когда-нибудь сбежать отсюда – уехать и никогда не возвращаться, – но было трудно представить, что такое хоть когда-нибудь произойдет. Это место словно обладало каким-то магическим притяжением: если что тут упало, то далеко не укатится. Включая и людей.

Выйдя из автобуса, мы втроем пешком двинулись к школе, до которой было минуты три ходу.

Она оказалась гораздо больше и выглядела более устрашающе, чем мне запомнилось в тот первый раз. Спортзалы отстояли метров на сто от главной дороги – их здоровенные окна, отражающие нежно-голубое небо, словно запирали его внутри стекол. За ними виднелось главное здание: четыре этажа мрачных, унылых коридоров с толстенными и тяжеленными дверями классов – такими я воображал себе двери в тюрьме. Углы двух соседних зданий слегка отходили от вертикали, отчего с улицы школа напоминала некое чудовище, которое пытается подняться с земли, неловко выставив сломанное плечо. Я перевел взгляд вправо. Территорию перестраивали, и откуда-то из-за ограды из синего синтетического полотнища доносился стрекот отбойного молотка. Прерывистый, дробный звук, словно пулеметная пальба вдали.

Мы постояли еще немного.

Помню, как ощутил смутное беспокойство. Было в новой школе что-то враждебное – в этой ее неподвижности, в том, как она словно изучающее смотрела на меня. Еще до этой экскурсии я понимал, почему Джеймс нервничает насчет перевода сюда. Школа была огромная – дом родной, если можно так выразиться, для более чем тысячи учеников, – а Джеймс всегда был естественной мишенью для задира. И при этом моим лучшим другом. Я всегда опекал его раньше, повторял я себе, и всегда буду. И все же нечто зловещее, почудившееся мне в этой школе в тот момент, заставило меня засомневаться в собственных силах.

Молчание затянулось.

Помню, как посмотрел на мать и заметил некоторую растерянность у нее на лице – словно она пыталась сделать какое-то полезное, благое дело, но почему-то все пошло наперекосяк.

А еще помню, что именно увидел на лице у Джеймса. Он тарасился на школу в совершеннейшем ужасе. Несмотря на все добрые намерения моей матери, эта экспедиция абсолютно ничем ему не помогла.

Все это выглядело так, будто мы привели его посмотреть на место его собственной казни.

* * *

Самый быстрый маршрут из хосписа до поселка вывел бы меня на ту самую дорогу возле школы. Я поехал другим путем. Мне хотелось как можно дольше избегать любого контакта с жуткими вещами из моего прошлого.

Но это стало невозможным, когда я въехал в собственно Гриттен-Вуд. Поселок, в котором я вырос, словно и не затронули прошедшие годы. Паутина тихих, практически безлюдных улочек узнавалась с первого взгляда, а темная стена леса по-прежнему доминировала над окрестным пейзажем, нависая над полуразвалившимися двухэтажными домиками, каждый из которых стоял на собственном участке не слишком-то ухоженной земли. Почему-то подумалось, что тонкий песок, вьющийся под колесами моей машины, – это та самая пыль, что была здесь, еще когда я был ребенком. Слегка переложенная с места на место ветром и автомобильными шинами, но так никуда и не девшаяся.

Дурное предчувствие, которое не оставляло меня весь день, только усиливалось. Дело было не только в том, как это место выглядело, но и как оно *ощущалось*. Воспоминания одно за другим выныривали на поверхность – рябь прошлого все сильнее мучила гладь настоящего, – и я тщетно пытался затолкать их обратно в глубину. Руль под руками был скользким от пота, и температура воздуха была здесь совершенно ни при чем.

Меня по-прежнему трясло от той сцены в хосписе. Салли прибежала буквально через минуту после того, как я нажал на кнопку, но к тому времени моя мать опять провалилась в сон. Салли проверила показатели на аппаратуре, и вид у нее стал немного встревоженный.

– Что случилось?

– Она проснулась. И заговорила.

– И что сказала?

Ответил я не сразу, поскольку даже не знал, что сказать. Потом просто сообщил Салли, что мать узнала меня, но словно находилась при этом в каком-то совершенно другом месте и времени, вновь переживая какие-то тягостные для нее события. Но я не стал уточнять, что это было за место и время – или что она сказала под конец и как меня это прибило.

«Красные руки повсюду!»

Несмотря на жару, от этих слов меня натурально прошиб озноб. Я все еще пытался найти им рациональное объяснение. Моя мать в спутанном сознании и умирает – вполне разумно предположить, что она удалилась в свое собственное прошлое, и что-то в нем ее сильно взбудоражило и расстроило. И все же, как бы я себя ни убеждал, это тошнотворное чувство внутри меня – предчувствие беды – становилось только сильнее.

«Тебе нельзя здесь находиться!»

Но ведь я уже был здесь...

Наконец я остановил машину перед нашим домом, в котором до недавних пор обитала мать. Как и почти все здания поселка, это было ветхое двухэтажное строение, отделенное от соседних живыми изгородями – в основном зарослями ежевики – и довольно обширными пространствами ничем не засаженной земли. Деревянный фасад с темными пустыми окнами порядком облупился, водосточные трубы и желоба проржавели и держались на честном слове. Сад окончательно зарос.

Но на самом деле дом, похоже, почти не изменился за все эти годы – просто постарел. И теперь вид его вызвал у меня целую волну эмоций. Это был дом, в котором я вырос. Это был дом, в котором двадцать пять лет назад явившиеся ко мне двое полицейских дожидались, когда моя мать вернется домой.

Я уже оставил его позади, и все же все это время он по-прежнему был здесь.

Я выбрался из машины. Внутри дома в ноздри первым делом ударил запах – это было словно открыть сундук, полный моих детских вещей, наклониться над ним и глубоко вдохнуть. Но почти сразу набросились и другие запахи. Посмотрев на стену сбоку от лестницы, я заметил на ней пятна черной и серой плесени – словно кто-то заляпал ее грязными пальцами. Пованивало пылью и сыростью, и едва уловимый аромат моющих средств ничего не мог с этим поделать. Я почувствовал запах нашатыря. И чего-то еще. Тот самый приторный тошнотворный запах, который учуял тогда в хосписе.

Этот последний запах сильнее всего ощущался в гостиной, где, как было ясно, моя мать проводила большую часть времени. Салли тут, судя по всему, слегка прибралась, но стопка мягких одеял на подлокотнике дивана, пусть и аккуратная, лишь позволила мне легче представить его в роли импровизированной кровати. К дивану был придвинут небольшой столик, раньше стоявший у стены. Сейчас на нем ничего не лежало, но я легко представил, что здесь недавно могло быть.

Стакан с водой. Машины очки.

Наверное, еще книга. Та самая, которую я тогда держал в руках.

«Люди кошмаров».

Вернувшись в прихожую, я прошел вслед за запахом нашатыря до кладовки под лестницей. Пара мух с жужжанием билась о мутное зеленоватое стекло небольшого окошка, напольный коврик был снят, скатан и убран в мешок. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы

понять. Поскольку в последние недели матери было не под силу подняться наверх, это унылое пространство, должно быть, служило ей туалетом и ванной комнатой.

В этот момент я представил себе мать – теперь совсем крошечную, с отказывающими телом и разумом, неловко бредущую куда-то сквозь мир, смыкающийся вокруг нее, – и меня с головой захлестнуло чувство вины.

«Тебе нельзя здесь находиться!»

Нет, несмотря ни на что, мне следовало быть здесь.

Ступеньки скрипели у меня под ногами, и поднимался я осторожно, словно опасаясь потревожить кого-то. На полпути к верхней площадке обернулся и посмотрел вниз. Сквозь стекло входной двери падал треугольник солнечного света, открывая полосу явно недавно вымытых и натертых половиц, и вновь я не сразу осознал, *что именно* перед собой вижу. Должно быть, то самое место, где лежала моя мать после того, как свалилась с лестницы.

Наверху я стоял перед тем, что некогда было моей комнатой, чуть ли не вечность, а потом под скрип петель стал нерешительно отворять дверь. Пространство внутри медленно открылось передо мной. Ничего тут не изменилось. Мои родители явно никак не использовали эту комнату все эти годы после моего отъезда, и от моих воспоминаний она отличалась разве лишь тем, что казалась гораздо меньше. Моя старая кровать была по-прежнему придвинута к стене – просто металлическая рама, накрытая голым матрасом, – а деревянный письменный стол все так же стоял под окном напротив нее. Моя одежда была сложена стопками на полу возле батареи, а книги неустойчивыми башенками выстроились вдоль стены.

С таким же успехом я мог уехать хоть вчера. Что-то во мне едва ли не наяву увидело призрак того мальчишки, что поздно ночью горбился за письменным столом, трудясь над очередным рассказом, которые он любил тогда сочинять.

Пройдя через комнату, я раздернул занавески над столом, наполнив комнату светом. За окном подо мной лежала перепутанная масса заросшего сада на заднем дворе, уходящая к сетчатой ограде на дальнем конце и стене деревьев за ней.

Может, поселок и назвали в честь Гриттенского леса, но, как и все местные, я знал этот лес как Сумраки. Насколько я могу припомнить, все только так его и называли. Даже в самый солнечный день пространства между деревьями всегда казались полными тьмы и мрачных тайн, и пока я смотрел на сад, из этого леса выпорхнуло одно воспоминание, черное и незваное.

О том, как Чарли в свое время водил нас туда.

Каждые выходные в тот год мы встречались на старой детской площадке, а потом направлялись к дому Джеймса и проникали в Сумраки через его задний двор с садом. Проходили пешком по несколько миль. Путь всегда прокладывал Чарли. Он уверял, что лес заколдован – что тут живет призрак, – и хотя у меня всегда и вправду было ощущение, будто что-то наблюдает за мной из-за деревьев, обычно я больше переживал, как бы не заблудиться. Этот лес всегда казался мне чем-то живым и опасным. Чем дальше ты в него углублялся, тем сильнее казалось, будто на самом деле неподвижно стоишь на месте – что просто местность каким-то хитрым образом сама меняет обстановку вокруг тебя, вызывая иллюзию движения, как если бы в шахматах перемещались не фигуры, а клетки, на которых те расставлены.

И все же Чарли всегда уверенно выводил нас обратно.

Но тут еще припомнилось, как я ходил туда с ними в последний раз. Как в самой глубине леса, где на мили вокруг ни единой живой души, Чарли прицелился мне в лицо из натянутой спортивной рогатки.

Я задернул занавески.

И уже совсем собрался было выйти из комнаты, как вдруг заметил, что на полу рядом с письменным столом стоит старая картонная коробка. Некогда она была заклеена сверху несколькими слоями коричневого скотча, но теперь клейкая лента была взрезана, а верхние

створки коробки слегка приоткрылись и торчали вверх. Я осторожно опустил на корточки, раздвинув их еще шире.

Как оказалось, кто-то убрал туда мои старые бумаги. Первым делом я обнаружил пожелтевший журнал – «Литературная жизнь». Как и в случае с книгой в хосписе, едва прикоснувшись к нему, я сразу ощутил покалывание в кончиках пальцев и быстро отложил его в сторону. Сразу под ним лежала тонкая книжка в твердом переплете. Я знал, что это за книга, и прямо сейчас не хотел даже смотреть на нее, не говоря уже о том, чтобы трогать.

Еще ниже обнаружили несколько моих толстых тетрадей. Тех самых, что я использовал еще подростком, чтобы записывать свои первые литературные опыты.

И кое для чего еще.

Вытащив самый верхний, я раскрыл его и прочитал начало первой записи.

«Я нахожусь на каком-то темном рынке...»

И тут на меня разом обрушился целый шквал воспоминаний – словно стая птиц, сорвавшихся с дерева.

Джеймс, сидящий на перекладине лазалки в тот день...

Последовавший позже стук в дверь...

Мысль, которая так часто возникала тогда у меня в голове: «Надо что-то решать с Чарли»...

Я отложил тетрадь, слегка поежившись, несмотря на жару на дворе. Когда на этой неделе мне позвонила Салли, рассказав о случившемся с матерью и поинтересовавшись, если ли у меня возможность приехать, ответил я не сразу, так как одна только мысль о возвращении в Гриттен наполняла меня липким ужасом. Но я изо всех сил постарался убедить себя, что прошлого больше нет. Что больше нет нужды думать о том, что некогда случилось здесь. Что после всех этих лет я в полной безопасности.

Но я ошибался.

Поскольку теперь на меня навалилось еще больше воспоминаний, темных и злых, и я осознал, что как бы ни хотелось мне покончить с прошлым, но то, что прошлое сделало со мной, по-прежнему имеет надо мною власть. И, прислушиваясь к зловещему пульсированию тишины в доме у себя за спиной, все яснее понимал, что смутное предчувствие беды, преследовавшее меня весь день, уже граничит с откровенным страхом, особенно когда живо припомнилось схожее ощущение двадцатипятилетней давности.

Ощущение, что вот-вот произойдет что-то ужасное.

4

Тогда

Было начало октября – в нашей новой школе мы успели отучиться уже несколько недель. В тот день в расписании уроков физкультуры у нас значилась тренировка по регби. Переодевшись в главном здании, мы с Джеймсом вместе с остальным классом двинулись по мощным дорожкам на игровое поле. Помню, как ледяной воздух охлаждал ноги, а изо рта вырывались облачка пара. Со всех сторон доносился лишь нестройный перестук шипованных бутс по холодной мостовой.

Я бросил взгляд на Джеймса, который с обреченным видом плелся рядом со мной, опасно поглядывая на парней поздоровее впереди. Поскольку мы оба постарались влиться в ряды наших новых однокашников как можно тише и незаметнее, Джеймс стал мишенью для забияк с первого же учебного дня. Я делал все возможное, чтобы его никто не трогал, но я не мог постоянно находиться рядом, а поле для регби и вовсе представлялось самым хулиганистым из ребят вполне законной охотничьей территорией – место, где к насилию не только относятся терпимо, но и активно его поощряют.

Наш учитель физкультуры – мистер Гудболд – важно вышагивал среди парней впереди, болтая со своими любимчиками. Казалось, что это не более чем увеличенная версия любого из окружавших его школьных задир, разве что постарше и покрупнее – та же агрессивна бритая голова и крепкое сложение, то же самое раздражение на весь мир и едва скрываемое презрение к тем, кто понежнее и поделикатнее. Несколько раз я видел, как он прогуливается по Гриттену со своим бульдогом; оба, одинаково вобрав головы в плечи, двигались в одном угрожающем мускулистом ритме.

Дойдя до дороги, нам пришлось подождать зеленого сигнала светофора, поскольку машины здесь коварно выскакивали из-за угла. Я лишь моргал, когда меня обдавало воздухом от проносащихся мимо автомобилей. Во всяком случае, судя по их скорости, не было никакой гарантии, что они вовремя остановятся, если кто-нибудь вдруг выскочит на дорогу.

Я наклонился, чтобы шепнуть Джеймсу:

– Похоже, что сегодня нас готовы убить буквально на каждом шагу!

Он не улыбнулся.

Как только мы благополучно перешли дорогу, Гудболд повел нас на дальний конец поля, где его помощник сражался с запутавшейся сеткой регбийных мячей. Небо, раскинувшееся над головой, казалось уныло-серым и бесконечным.

– Разбились на две группы!

Гудболд раскинул руки, каким-то образом ухитрившись отделить своих любимчиков от всех остальных.

– Становитесь вдоль вот этой линии! Выстраивайтесь по росту!

Он повел ребят поздоровее через поле, а мы, оставшиеся, переглянулись и начали бестолково меняться местами, выстраиваясь в шеренгу. Я был на добрую голову выше Джеймса, так что в итоге оказался на противоположном ее конце. Мне было видно, как Гудболд на другой стороне поля выстраивает вторую группу так, чтобы самый долговязый парень в ней оказался напротив самого мелкого из нашей.

– По моему сигналу, – взревел он, поднимая вверх свисток, – постарайтесь пронести свой мяч на другую сторону. Ваш противник попытается остановить вас. Проще некуда. Все всё поняли?

Последовали несколько неуверенных «да, сэр», но только не от меня. Я-то видел, как ребята на противоположной стороне поля втихаря сговариваются и перестраиваются за спиной у Гудболда. Парень по имени Дэвид Хейг поменялся местами с тем, что стоял рядом, – так,

чтобы оказаться точно напротив Джеймса. «Вот же гаденыш», – подумал я. Хейг был самым сволочным из всего школьного хулиганья. Рос он в трудной семье – его старший брат сидел в тюрьме, и было очень похоже, что и сам он закончит примерно тем же манером. В первый же день в Гриттене Хейг пихнул меня плечом за какое-то воображаемое оскорбление, и я без колебаний врезал ему в ответ. Нас быстро разняли, и после этого он ко мне практически не цеплялся. Но Джеймс был куда более легкой добычей.

Я сказал себе, что ничего не могу с этим поделать – Джеймс теперь предоставлен сам себе, – так что сосредоточился на своем собственном противнике. Успех моей команды не имел для меня абсолютно никакого значения, но я был решительно настроен победить, пусть даже просто ради себя самого, и, напряжившись, покрепче прижал мяч к боку и выставил правую ногу вперед. Сердце забилося чаще.

Прозвучал свисток.

Я изо всех сил сорвался с места, практически не глядя на парня, который налетал на меня с противоположной стороны поля. Сшибка вышла жесткой. Он врезался мне чуть ли не в пах, едва не выбив из меня дух, и поле закрутилось вокруг меня, но я упорно прорывался вперед, злобно выкручиваясь из его захвата, притоптывая на месте и сосредоточившись на линии вдали. Наконец его руки разжались; я опять рванулся вперед. Еще секунда, и мяч был уже в зоне противника, а я крепко прижимал его рукой к земле.

Опять прозвучал свисток.

Тяжело дыша, я глянул вдоль линии. Лишь горстка наших сумела ее пересечь, и середина поля была усыпана ребятами – некоторые стояли, некоторые все еще боролись, барахтаясь на твердой холодной земле. Но первым я заметил Хейга. Он стоял на нашей половине поля и смеялся. Под ногами у него лежал Джеймс, сжавшись в комок и плача.

Явно не обращая на это внимания, Гудболд попросту прошелся вдоль линии, подсчитывая победителей. Обернувшись, я увидел, как Хейг, все еще смеясь, плюнул на Джеймса.

Во мне вспыхнула ярость.

При моем приближении он поднял взгляд, но не успел избежать сильного тычка, которым я отбросил его от Джеймса. Это стало неожиданностью для нас обоих – я и сам не думал, что сейчас это сделаю. Секунду Хейг выглядел столь же удивленным, но его лицо тут же потемнело от злости. Словно из ниоткуда рядом с ним выросли двое его дружков.

– Ты чё, охренел? – негромко процедил я.

Хейг ёрнически раскинул руки.

– А что? Разве я виноват, что твой дружок – сопливый пидор?

Я тяжело сглотнул. Даже если Гудболд все это видел, то вмешиваться не собирался – по крайней мере, пока не дойдет до чего-то серьезного. Но другие ребята смотрели на нас, и я понял, что нельзя идти на попятный. Это означало, что предстояло получить несколько крепких ударов. Лучшее, на что я мог в самом деле надеяться, – это успеть врезать пару раз в ответ, так что я сжал кулаки и заставил себя устоять на Хейга в ответ.

– Ты чё, охренел? – повторил я.

Хейг сделал шаг в мою сторону.

– Хочешь что-то по этому поводу предпринять?

Разговаривать было бесполезно – лучше просто размахнуться и надеяться на лучшее. И я совсем уже собрался так и поступить, когда вдруг ощутил рядом с собой чье-то присутствие. Бросил взгляд вправо и увидел, что к нам присоединились еще два парня.

Чарли Крабтри.

И Билли Робертс.

Я знал их только по именам, да и те не сразу вспомнил. Они были нашими ровесниками и посещали часть тех же уроков, что и мы с Джеймсом³, но никто из нас с ними до сих пор не общался. По правде говоря, я вообще не видел, чтобы они хоть с кем-нибудь общались. Насколько я знал, эти ребята учились в «Гриттен-парк» уже давно, но казалось, что они существуют так же отдельно от всей остальной школы, как и мы с Джеймсом. На переменах и во время обеденного перерыва они словно куда-то испарялись.

И все же по их позам было ясно, что по какой-то причине они решили меня прикрыть. Ни один из них не тянул на хорошего бойца: Билли – долговязый и нескладный, слишком тощий, чтобы представлять собой реальную угрозу; Чарли – примерно того же росточка, что и Джеймс. Но четверо – это уже сила, и какой бы неожиданностью ни стало их вмешательство, в тот момент я был им очень за это благодарен.

Или, по крайней мере, был благодарен, пока Чарли не заговорил.

– А я видел тебя сегодня во сне, Хейг, – сказал он.

Произнес он это так серьезно, что понадобилась секунда, чтобы эти слова отложились у меня в голове. Чего бы я от него ни ожидал, но только не этого. Хейг тоже опешил. Помотал головой.

– Ты ваще о чем, Крабтри?

– Просто о том, что я сказал, – терпеливо улыбнулся Чарли, словно говорил с неразумным ребенком. – Ты лежал на земле, весь жутко изломанный. Твой череп был пробит насквозь – вскрыт, как вареное яйцо, и мне было видно твой пульсирующий мозг – твое сердце билось в нем. У тебя оставался только один глаз, и он постоянно моргал на меня. Ты еще не умер, но дело к тому шло. Ты тоже это знал. Ты знал, что умираешь, и тебе было очень страшно.

Несмотря на неравенство в габаритах, Чарли вроде даже отдаленно не боялся Хейга, и мне даже почудилось какое-то тихое гудение в воздухе, будто он, словно медиум, излучал в сторону своего противника что-то ужасное – какую-то внутреннюю энергию, которую при желании мог в любой момент спустить с поводка. Хейг больше привык к физическому противостоянию. Он явно и понятия не имел, как реагировать на нечто подобное тому, что только что услышал.

Поэтому лишь опять помотал головой.

– Ты...

Свисток у нас за спинами.

Все мы инстинктивно отступили на шаг – все, кроме Чарли. Он остался стоять в точности там, где стоял. По-прежнему улыбаясь. Все еще пристально глядя на Хейга.

– Получилось у шестерых! – Голос Гудболда гулко разнесся над полем. – Было бы девять, если б Крабтри и его дружки не ушли с линии. В следующий раз думайте головой, парни!

Хейг и двое его корешей направились обратно к своей линии, то и дело бросая на нас взгляды через плечо. Я протянул Джеймсу руку и помог ему подняться на ноги.

– Ты как, братан?

– Порядок...

Но хотя это я помог Джеймсу подняться, смотрел он в этот момент на Чарли. На Чарли, который по-прежнему улыбался каким-то своим мыслям. Билли рядом с ним на секунду встретился со мной взглядом; лицо его было пустым и нечитаемым.

– Пробуем еще разок! – выкрикнул Гудболд.

³ Наряду с обязательными дисциплинами программа обучения в старших классах британских школ предусматривает и профильные предметы, которые ученики могут выбирать самостоятельно.

* * *

После окончания тренировки вышло так, что мы двинулись по полю уже вчетвером. Мне это не показалось случайным, хотя до сих пор не пойму, как это получилось – никто из нас вроде специально не разыскивал друг друга, и все же почему-то вдруг выяснилось, что мы идем бок о бок. Даже тогда казалось, что это было заранее подстроено.

Хейг со своими друзьями шел чуть впереди и постоянно оборачивался на нас. Эффект от сказанного Чарли уже потускнел, и к Хейгу опять вернулись его обычная нагловатая развязность и походочка враскачку.

Чарли, похоже, к его вниманию был совершенно безразличен.

– Интересно, – будничным тоном заметил он, – сколько еще раз мистер Гудболд будет заходить в раздевалку якобы проверить, что все мы приняли душ?

Я быстро обернулся, чтобы убедиться, что Гудболд за пределами слышимости. Уверенности в этом не было.

Потом опять повернулся к Чарли.

– По крайней мере, мы не так уж и извозились.

Билли пнул носком бутсы твердую землю.

– Хоть какой-то прок от этой зимы...

– Пока еще не зима, – возразил Чарли.

Вид у Билли стал немного обиженный.

– А ощущается так. Дубак, как зимой.

– Да, – согласился Чарли. – Верно.

– Я не хочу слышать, как ты видел меня во сне, педрила ты долбаный!

Идущий впереди Хейг вдруг развернулся и теперь быстро шел в нашу сторону, сверля взглядом Чарли. Он говорил намного громче, чем Чарли, так что на сей раз Гудболд точно все слышал. Но, естественно, не собирался вмешиваться.

Хейг издевательски почмокал ртом, изображая поцелуйчики.

– Хотя я знаю – ты просто не мог удержаться!

Чарли улыбнулся ему.

– Кто говорит, что я не мог удержаться?

– Чё?

– Кто говорит, что я не мог удержаться? – повторил Чарли. – Может, я специально заказал себе такой сон – чтобы полюбоваться, как ты умираешь, как твой глаз лопается, а мозги свисают у тебя из головы. В смысле, кто бы отказался посмотреть на такое? Это было просто изумительное зрелище.

Несмотря на вернувшееся удальство, краска малость спала с лица Хейга.

– Ты долбаный псих, Крабтри!

– Да, – рассмеялся Чарли. – Да, это так.

Хейг изобразил на лице глубочайшее отвращение, после чего повернул обратно к своим. Мне было видно, что Джеймс все еще не сводит глаз с Чарли. Он неотрывно смотрел на него, словно тот был вопросом, с которым он никогда не сталкивался раньше, и очень хотел получить ответ.

– Долбаный псих... – произнес Чарли.

Сказано было достаточно громко, чтобы Хейг услышал, – намеренно провокационно. И когда мы вышли на тротуар, Хейг развернулся и вновь решительно двинулся к нам, разозленный тем, что его подначивают. Но какой бы он ни заготовил ответ, я его так и не услышал, поскольку в тот самый момент, когда он не глядя шагнул на проезжую часть, в него врезался пронесшийся по дороге фургон, и он исчез из глаз.

Послышался дикий визг тормозов. Я оцепенело глянул влево и увидел, как фургон, теперь уже вращаясь вокруг своей оси, скользит по дороге, оставляя за собой сизый дымок и черные спирали на асфальте. Он замер метрах в тридцати дальше по улице, а на треснувшем лобовом стекле у него расплывалось кровавое пятно, похожее на огромный отпечаток ладони.

На секунду воцарилась полная тишина.

А потом поднялись крики.

– Прочь с дороги!

Когда Гудболд протолкался мимо нас, я бросил взгляд на Чарли. Я был еще в таком шоке, что даже не мог просто сдвинуться с места, не говоря уже о том, чтобы осознать происшедшее, но помню, что Чарли выглядел абсолютно спокойным. На губах у него была все та же улыбка.

Джеймс таранился на него, открыв рот от ужаса и чего-то вроде благоговейного восторга.

«Твой череп был проломлен насквозь», – припомнил я.

«Мне было видно твой пульсирующий мозг».

И еще помню, как Чарли глянул на Джеймса в ответ и подмигнул.

5

– Мне и вправду понравилось.

Я поднял взгляд. Очередная встреча самодеятельного клуба литературного творчества во время большой перемены только что закончилась, и я быстро заталкивал свою тетрадь обратно в рюкзак. Я думал, что все уже разошлись, но одна девчушка задержалась и теперь стояла возле дверей класса.

– Твой рассказ, – произнесла она чуть медленнее. – Мне он и вправду понравился.

– О... спасибо.

Комплимент вызвал у меня неловкость, не в последнюю очередь потому, что поступил от девчонки. Она была миниатюрная, с черными как смоль волосами, которые выглядели так, будто их коротко остригли ножницами где-нибудь в кухне, и под школьной блузкой на ней была простая футболка.

«Дженни... Чамберс?»

Единственное, что я про нее знал, – это как ее зовут. В той мере, в какой я ее вообще замечал, казалось, что она существует где-то на периферии школы, точно так же, как мы с Джеймсом.

– Спасибо. – Тетрадь наконец пролезла в рюкзак. – А по-моему, так полное говно.

– Милый способ отвечать на комплимент.

Похоже, мой ответ ее больше позабавил, чем задел.

– Прости, – отозвался я. – Очень приятно такое от тебя слышать. Хотя сама знаешь, как это бывает. Никогда не остаешься доволен тем, что сделал.

– Зато есть стимул сделать еще лучше.

– Наверное, да. Мне твой тоже очень понравился.

– Правда?

Вид у нее был слегка скептический. Должно быть, она решила, что я сказал это исключительно из вежливости и на самом деле не помню этот ее рассказ. Наша учительница английского, миз⁴ Хоробин, проводила получасовые заседания клуба литературного творчества раз в неделю, во время большой перемены. Рассказы мы писали заранее, и двое из нас зачитывали их вслух при каждой встрече. Очередь Дженни была на прошлой неделе. Или на позапрошлой?

Ее рассказ вернулся ко мне в голову как раз вовремя.

– Тот, который про одного человека и его пса, – уточнил я. – Мне понравилось.

– Спасибо. Хотя это скорее про пса и его человека.

– Верно.

Ее рассказ был про одного мужика, который плохо обращался со своей собакой. Таскал ее повсюду за собой, бил, забывал покормить... Но собака, будучи собакой, все равно его любила. А потом он умер у себя дома от сердечного приступа, и, поскольку у него не было друзей, никто целую вечность не обнаруживал тело. Так что собаке – едва ли не конфузьясь – пришлось есть его труп. Дженни написала этот рассказ от лица собаки и назвала его «Верный дружок».

Когда она в тот раз закончила чтение, на пару секунд наступила тишина, после чего миз Хоробин прокашлялась и охарактеризовала рассказ как «эвокативный».

– Не думаю, что миз Хоробин ожидала чего-то подобного, – заметил я.

Дженни рассмеялась.

– Ну да, но ведь такого рода сюжеты лучше всего, верно? Я люблю такие, которые застают тебя врасплох.

⁴ Миз – госпожа; нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах. Ставится перед фамилией женщины – как замужней, так и незамужней.

– Я тоже.

– И он основан на реальной истории.

– Да ну?

– Угу. Это произошло где-то в наших краях. Меня, понятное дело, при этом не было. Так что я многое досочинила. Но полиция и вправду нашла то, что осталось от того мужика, когда вошла в его дом.

– Ого! Я про такое не слышал.

– Одна знакомая рассказывала. – Дженни мотнула головой на дверь: – Так ты идешь?

– Угу.

Я застегнул молнию рюкзака, и мы вышли вместе.

– А где *ты* почерпнул идею своего рассказа? – спросила она.

И вновь я смутился. Мой рассказ был про одного человека, который идет по поселку, в котором он вырос, направляясь к дому своего детства. По моему замыслу, за ним по какой-то причине охотятся, и ему хочется в последний раз вновь оказаться в прошлом – вернуться туда, где мир по-прежнему кажется открытым и полным возможностей. Оставалось неясным, попал он в итоге в тот дом или нет – я закончил на том месте, где он добирается до знакомой с детства улицы, слыша вой сирен вдалеке. Я убеждал себя, что подобная «открытая концовка» – это очень ловко и *по-литературному*, хотя, сказать по правде, просто не сумел выдумать финала получше.

– А ты читала «Противостояние»? – спросил я, не ожидая утвердительного ответа, но ее глаза расширились.

– Господи, конечно! Обожаю Стивена Кинга! И понимаю, о чем ты. Праздный Гуляка⁵, точно?

– Ну да, ну да... – Ее энтузиазм немного распалил и мой собственный. – Этот персонаж реально меня зацепил... Пусть даже, как помнишь, в итоге он оказывается дьяволом или чем-то в этом духе. Но в начале, когда он просто шляется туда-сюда и ты совершенно не представляешь зачем... Мне это очень понравилось.

– Мне тоже.

– А ты читала другие книги Стивена Кинга?

– Все до единой.

– *Все до единой?*

– Ну да, конечно. – Она посмотрела на меня так, будто у нее просто не укладывалось в голове, как это можно не прочесть абсолютно все книги Кинга. – Это мой любимый писатель. Некоторые и по два-три раза. В смысле, *по крайней мере*.

– Ни фиги себе!

Позже я убедился, насколько это соответствует истине. Дженни была просто запойной читательницей. Частично потому, что семья у нее была бедная, а книги – это достаточно дешевый способ сбежать от печальной действительности, но также и потому, что она просто была такая, какая есть. В тот же момент я был попросту изумлен, что Дженни прочла больше произведений Стивена Кинга, чем я.

– Я читал большинство его книг, – сказал я. – Некоторые тоже не по одному разу.

– А какие самые любимые?

– «Сияние». – Я задумался. – Наверное.

– Ну да, трудно выбрать. У него они все такие классные!

– Ну а твои какие?

– «Кладбище домашних животных».

⁵ Праздный Гуляка (*англ.* Walkin' Dude) – прозвище Рэндалла Флэгга, вымышленного персонажа как минимум девяти романов Стивена Кинга.

- О боже, эта реально страшная...
- Знаю – обожаю ее. – Она ухмыльнулась. – Концовка! Мрачная. Что. Офигеть.
- И как раз это тебе у Кинга и нравится?
- А то. Это же все-таки ужастики? Но пусть даже так – посмотри на «Противостояние».

Происходит куча плохих вещей, но в конце концов положительные персонажи в основном побеждают. И в «Сиянии»... Ну да, там все грустно – припомни, как достается отцу, – но у парнишки-то в итоге все в порядке. Хотя «Кладбище домашних животных»... Тут и вправду полная безнадега.

Я кивнул, но при этом заметил и какую-то печальную покорность в том, как Дженни это произнесла. Что-то во мне хотело сказать ей, что не все концовки должны быть беспросветными. Но когда мы вышли на площадку перед школой и оказались перед лицом целого моря ребят разного возраста и серого пейзажа вокруг, нужные слова не пришли. В хорошие дни вполне можно было искренне верить, что я обязательно вырвусь из Гриттена, когда вырасту, но правда заключалась в том, что лишь очень немногих здесь могло ожидать что-либо помимо трудной, жалкой и унылой жизни – скорее прозябания, чем жизни. Не имелось никаких причин думать, что Дженни или я какие-то особенные и что наши «концовки» будут хоть сколько-то радостнее, чем у большинства здешних обитателей.

Я перевел взгляд вправо. Джеймс поджидал меня у дальнего конца корпуса со спортзалом.

- Я закинул рюкзак на плечо.
- Я вон туда.
- А мне в другую сторону. Все как обычно.

Это уточнение показалось мне несколько странным, но потом я вспомнил, что никогда не видел ее во время перемен между уроками – она словно исчезала, точно так же, как до недавних пор мы с Джеймсом. Интересно, подумал я, куда она пойдет – какую забытую часть школы она сделала своей собственной и чем там занимается.

- А ты читал «Обезьянья лапка»?⁶ – спросила Дженни.
- Не думаю. Это ведь не Стивена Кинга?
- Нет. Это короткий рассказ, причем очень старый. Хотя примерно в том же духе, что и «Кладбище домашних животных». Тебе точно понравится.
- Звучит заманчиво.
- А то! Он у меня дома есть. Могу принести почитать. В смысле, если хочешь.

Некоторые добавляют такую оговорку под конец, чтобы избежать неловкости в случае отказа, но Дженни подала это без всякого напряжения – словно ей действительно было совершенно все равно: да так да, нет так нет. До настоящего момента создавалось впечатление, что добровольное одиночество ее несколько угнетает, но после разговора с ней стало заметно, насколько она уверена в себе и как комфортно ей наедине с самой собой. Как будто окружающий ее мир был тем, что она могла по собственному выбору принять или отвергнуть, и то, что она вдруг приняла решение законтачить именно со мной, почему-то представлялось чем-то лестным и едва ли не почетным.

- Угу, – сказал я. – Конечно, хочу.
- А потом направился к Джеймсу.
- А заодно и к Чарли с Билли, естественно.

⁶ «Обезьянья лапка» (*англ.* The Monkey's Paw) – рассказ У. У. Джейкобса в жанре сверхъестественного хоррора, впервые опубликованный в Англии в 1902 г. в сборнике «Леди с баржи»: владельцу обезьяньей лапки даются три желания, но за их исполнение и вмешательство в судьбу приходится платить огромную цену. Этот сюжет неоднократно адаптировался, становясь основой для пьес, фильмов, телесериалов, комиксов и даже оперы.

* * *

В те недели и месяцы, что последовали за происшествием с Хейгом, мы вчетвером стали постоянно бывать вместе.

Так до конца и не пойму, как это произошло. Это немного походило на то, как мы нашли друг друга, возвращаясь с игрового поля вместе в тот день – будто это лишь *казалось* случайностью. Но я знаю, что в основном из-за Джеймса. После того, что случилось в тот день, Чарли его буквально заморозил. Тот поощрял это внимание, и притяжение между ними обоими постепенно вывело нас четверых на более близкую орбиту. Мы стали проводить все больше времени вместе. По выходным Чарли водил нас в походы в лес, рассказывая про призраков, а в школе на больших переменах мы практически безвылазно торчали в помещении «С5-б».

Эта довольно большая комната располагалась в цокольном этаже школы, куда вела неприметная лестница в конце главного коридора. Помню, что в самом низу рядом с ней была темная ниша с древним лифтом, который выглядел так, будто его двери жутко заскрипят, если попытаться их открыть. Насколько мне удалось выяснить, соответствующих ему дверей наверху не имелось, так что я пришел к заключению, что он ходит на какой-то этаж даже еще ниже цокольного. В бойлерную, к примеру. В какое-то сырое, мокрое место, полное проржавевших пощелкивающих труб.

Единственная другая дверь здесь и вела в помещение «С5-б» – очевидно, некогда классную комнату. Большую часть его загромождали покосившиеся штабели пыльных парт, но в глубине стояли и несколько разномастных кресел, словно сюда годами сваливали мебель из разных комиссионных магазинов. Судя по всему, про существование этой комнаты в школе давно и прочно забыли, и, полагаю, в этом смысле для нас четверых она была наиболее подходящим местом. Здесь мы в основном и тусовались. Ели принесенную из дома еду. Болтали. Иногда подбирали старые огрызки мела и записывали слова песен на черной школьной доске, до сих пор висящей на задней стене. *Nirvana. Pearl Jam. Faith No More*. Все написанное нами оставалось на ней до тех пор, пока мы всё это не стирали и не писали что-нибудь еще.

Чарли и Билли уже были здесь, когда мы с Джеймсом спустились в цокольный этаж в тот день. Билли сгорбился в кресле, читая один из журналов, посвященных оружию и боеприпасам, по которым просто с ума сходил. Он коротко поднял взгляд, чтобы убедиться, что это не кто-то из учителей, наконец явившийся, чтобы изгнать нас отсюда, а потом опять углубился в чтение. Чарли сидел на своем обычном месте в дальнем конце комнаты, возвышаясь над единственным тут дубовым письменным столом. Он никак не отметил наше появление. Его внимание было сосредоточено на лежащей перед ним толстой тетради. Чарли держал занесенную над страницей ручку, словно учитель, собирающийся поставить какую-то важную оценку.

Я пробрался сквозь лабиринт мебели.

– Привет, парни. Ну, что тут?

Билли пожал плечами – с мрачным выражением на лице, словно получил за что-то выговор. Поскольку он часто так выглядел, было невозможно сказать точно. Чарли по-прежнему никак не реагировал. Но когда мы прошли в глубь комнаты, он нахмурился каким-то своим мыслям, а потом тщательно записал что-то в тетрадь.

Я уселся в одно из кресел напротив Билли и вытащил пакет с приготовленным утром сэндвичем, демонстративно игнорируя Чарли, который оказался прямо у меня за спиной. Я уже привык к такого рода его поведению. То и дело, появившись здесь, мы заставляли Чарли за этим самым письменным столом, за которым он с таинственным видом занимался чем-то совершенно загадочным. Но, приступив к еде, я заметил любопытство на лице Джеймса, и был вынужден подавить вызванное этим раздражение. На мой вкус, его неприкрытое восхищение Чарли стало в последнее время несколько выходить за разумные рамки. Да, я был готов

мириться с эксцентричностью Чарли, но всякий раз мысленно закатывал глаза, поскольку ясно видел, что Джеймс частенько воспринимает его как столь же исключительную персону, какой тот сам себя считал. По ряду причин, которые мне было трудно выразить вслух, это уже стало меня доставать.

– Что ты там делаешь, Чарли? – наконец спросил Джеймс.

– Я его уже об этом спрашивал. – Билли скривился, но не оторвался от своего журнала. – Это явно какой-то *большой секрет*.

Чарли вздохнул, после чего положил ручку на стол.

– Никакой это не секрет, – сказал он. – Я просто пытался сосредоточиться. Когда думаешь о чем-то важном, то не хочешь, чтобы тебя отвлекали.

– Господи, – пробормотал Билли. – Ну прости уж тогда.

– Точно так же, как тебе не хотелось бы, чтобы я отвлекал тебя... ну, например, от того, что ты сейчас читаешь.

Билли бросил взгляд на журнал. Закрыв его.

Чарли улыбнулся Джеймсу.

– Я веду дневник своих сновидений.

– Что это еще за дневник сновидений?

Чарли поднял тетрадь над головой.

– Каждое утро я записываю то, что мне приснилось ночью.

Я впился зубами в сэндвич.

– Сейчас не утро.

– Я не сказал, что делаю это *прямо сейчас*.

Я проглотил откушенный кусок. Уел, ничего не скажешь!

– А я вот никогда не помню свои сны, – признался Джеймс.

– Как и большинство людей. – Чарли положил тетрадь на стол. – Когда-то и у меня такое было. Сны хранятся в краткосрочной памяти – вот потому-то и важно записывать их сразу, как только проснешься, прежде чем успеешь забыть. Если это не сделать, они исчезнут навсегда.

Я едва подавил побуждение и вправду закатить глаза, хотя вроде уже стал привыкать к одержимости Чарли всякой мистической чепухой. Он постоянно таскал в школу книги по колдовству и демонологии, но я всегда думал, это больше для того, чтобы все видели, как он их читает, а не из какого-то настоящего интереса к ним, – что это лишь часть того образа, который ему нравилось культивировать. Чарли был бы более чем счастлив, если б все верили, что он и впрямь проводит вечера, сидя по-турецки посреди начертанной мелом пентаграммы в окружении зажженных свечей. Обычно он предпочитал основывать свою репутацию именно на этом. Но при чем тут какие-то разговоры про сновидения?

– Тогда что ты сейчас делаешь? – спросил я.

– Ищу закономерности. – Он посмотрел на меня. – Делаю заметки о том, что открыл. Стоит только этим заняться, как начинаешь подмечать, что некоторые сны повторяются раз за разом. Одни и те же темы. Одни и те же места. Одни и те же люди.

– И что с того?

– Это способствует *инкубации*.

Чарли улыбнулся.

А я замешкался на миг, не донеся сэндвич до рта. Чем-то это напомнило мне его разговор с Хейгом в день происшествия – эта его манера вдруг выдать нечто совершенно неожиданное и достаточно странное, чтобы собеседник проглотил язык.

«Инкубация»⁷.

⁷ Инкубация в данном контексте – набор приемов, позволяющих управлять собственными сновидениями; осознанный «заказ» сновидения на нужную тему в сочетании с установкой на осознание себя во сне.

Мне не понравилось это слово. Оно наводило меня на мысли о чем-то жутком, выращиваемом в банке. И, конечно, я осознал, что только что здорово ошибался. С учетом того, что приключилось с Хейгом, сновидения – еще как при чем, когда речь идет о Чарли.

Джеймсу тоже явно было не по себе.

– А что такое «инкубация»?

– Оказание влияния на то, что ты хочешь увидеть во сне, – растолковал ему Чарли. – Которое помогает пробудить осознанность. Ты знаешь, что такое осознанное сновидение?

Джеймс помотал головой.

– Это когда во сне ты осознаешь, что это сон. Типа как просыпаешься во время своего сна, но по-прежнему спишь. Стоит тебе сделать это, и ты можешь контролировать все, что там происходит. Можешь делать все, что только захочется, пережить любой опыт, какой только захочется, сделать мир своих сновидений в точности таким, каким тебе хочется. Все, о чем ты только ни подумаешь, может стать реальным.

По лицу Джеймса мне было видно, что он обдумывает услышанное, и я прикинул, что Джеймс предпочел бы сделать в таком мире сновидений, если бы у него вообще вышло туда попасть. Задать перцу школьным задирам, которые изводили его? Нарисовать в своем воображении более счастливую жизнь дома? Свалить ко всем чертям из Гриттена и никогда не возвращаться? Я понимал, что эта идея вполне может быть привлекательной для него, и мне не понравилось то, как он не сводил глаз с Чарли, словно тот только что показал ему какой-то особо эффектный фокус.

– Это все равно всего лишь *сны*, – с напором произнес я. – Стоит тебе проснуться, и все опять остается по-старому. Это ничего не меняет.

Чарли посмотрел на меня. На миг лицо его выглядело абсолютно пустым и бесстрастным, но под этой безмятежной гладью крылось некое подводное течение, которое меня напрягло, будто я совершил какой-то серьезный проступок, вступив с ним в спор.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он.

Я пожал плечами.

– Только то, что сказал. Это всего лишь сны. Они ничего не меняют.

Чарли тогда лишь улыбнулся, и почему-то эта улыбка еще больше выбила меня из колеи, чем пустое выражение лица. Это была та же улыбка, какую он адресовал Хейгу в тот день – улыбка, которая предполагала, что он значительно впереди меня и что я сказал нечто совсем банально-простое и детское, через что сам он уже давным-давно прошел.

«Это всего лишь сны».

Улыбка, которая говорила, что он знает какой-то секрет, которого не знаю я.

6

В наши дни

Аманде в тот вечер пришлось поработать допоздна.

Она опустила жалюзи в своем кабинете и выключила свет, отчего освещали помещение лишь экран компьютера и наклоненная лампа рядом с ним. Обстановка наверняка не самая лучшая для зрения, но Аманда любила по возможности работать так. Это позволяло полностью сконцентрировать внимание на какой-либо проблеме, оставляя весь остальной мир за кадром. Это помогало ей думать.

Сейчас ее мысли были заняты некими «дневниками сновидений».

Затея представлялась ей совершенно дурацкой. Ежедневно вести дневник – это уже и само по себе пустая трата времени: если в жизни происходит что-то недостаточно важное, чтобы остаться *в твоей собственной голове*, что за смысл фиксировать это на бумаге? А идея записывать еще и сны была настолько от нее далека, что понадобился бы телескоп, чтобы как следует разглядеть ее суть. Но, похоже, как раз чем-то подобным она сейчас и занималась, причем без всякого телескопа.

Хотя Робби Фостер не был склонен к сотрудничеству с полицией, а Эллиот Хик пребывал на грани истерики, полиция все-таки сумела восстановить примерную хронологию событий, и теперь Аманда знала о случившемся немного больше. Ближе к середине дня Хик и Фостер отправились в карьер со своим приятелем по имени Майкл Прайс и там убили его, после чего приняли снотворные таблетки. А когда через какое-то время проснулись и побрели через пустырь, залепанные кровью и растерянные, их заметил, как принято выражаться в подобных случаях, какой-то сознательный гражданин. У каждого из мальчишек был нож и толстая тетрадь. Ни один не отрицал своего участия в убийстве, и хотя криминалистическая экспертиза должна была занять какое-то время, у Аманды уже не было сомнений, что преступление совершили оба этих подростка. Таким образом, у нее уже имелись ответы и на вопрос «что», и на вопрос «кто».

То, чего она пока не понимала, так это «почему».

Час назад Аманда успела пообщаться со своим начальником, старшим детективом-инспектором Колином Лайонсом. Лайонс – та еще сволочь, и она прекрасно понимала, какого рода калькулятор щелкал у него тогда в голове. Имелось убийство на его «земле» – это плохо, но убийцы уже сидели в камере и, похоже, населению вверенного ему района больше ничего не угрожало. Обвинительные приговоры ожидались железно, и его ведомство в результате будет выглядеть достойно. Конечно, погиб молодой парнишка, но все могло обернуться гораздо хуже.

Вот как работала голова у Лайонса – и хотя ее отец определенно был совершенно другим человеком, Аманда представляла, что оба мужчины, по крайней мере, сумели бы понять друг друга. «Почему» – это не тот вопрос, которому стоит уделять повышенное внимание. Мотивы, причины, аргументы – все они почти всегда оказываются совершенно прозаичными и не оправдывающими ожиданий. Какое объяснение тому ужасу, который она видела сегодня днем в карьере, может сейчас иметь хоть какое-то значение? Спрашивать «почему» – это все равно что нырять в черную дыру. Чем глубже в нее проваливаешься, тем меньше света видишь.

Но перед ней поставили задачу туда заглянуть, и на данный момент Аманда видела перед собой лишь беспросветную тьму. Понять мотивы Фостера с Хиком было решительно невозможно. Собираясь совершить убийство, они взяли с собой свои дневники сновидений, и теперь на письменном столе перед ней лежали распечатанные сканы нескольких последних записей. Аманда прочитала то, что мальчишки записали сегодня утром.

Сначала Робби Фостер:

Я в карьере. Свет какой-то странный. Я провожу носовой тест и задействую тактильную технику, чтобы стабилизироваться, потом иду в сторону арены. Эллиот уже ждет меня. Он расплывается, но я знаю, что он и в самом деле там. Мы оба кладем руки на землю. КР где-то в кустах, наблюдает за нами, и я почти вижу его лицо. Эллиот тоже его видит, и мы оба знаем, что момент настал.

А потом Эллиот Хик:

Я на арене в карьере. Воздух странного цвета. Робби появляется секунду спустя, и мы стабилизируем друг друга, опершись руками о землю. Это занимает какое-то время, но тут я чувствую КР. Я по-прежнему не вижу его лица, но он где-то сбоку в кустах. Робби улыбается мне. Мы всё тщательно подготовили и в точности знаем, что делать, – все так, как и говорил Чарли. Мы оба понимаем, что завтра это и произойдет.

Аманда откинулась в кресле.

Если принять эти записи за чистую монету, то, похоже, обоим мальчишкам снилось одно и то же. И хотя отчеты не абсолютно идентичны, все это очень похоже на описание одного и того же события с разных точек зрения. Словно Хик и Фостер пребывали в одном и том же сновидении вместе.

Что, конечно же, абсолютно исключено.

Естественно, парни должны были окончательно потерять связь с реальностью, чтобы сотворить нечто подобное, так что некоторые приведенные в дневниках подробности сразу привлекли ее внимание.

Что это еще за «КР»?

И кто такой Чарли?

Кем бы он ни был, в записи Хика содержался намек на то, что пара следовала полученным от него инструкциям. А это, в свою очередь, позволяло предположить, что, несмотря на оптимистический настрой Лайонса, одним лишь этим убийством все может не ограничиться.

Отложив распечатки в сторонку, Аманда переключила внимание на свой компьютер, открыв файл с делом, который велся онлайн. Лэптопы Хика и Фостера уже изъяли. Содержимое их еще предстояло тщательно проанализировать, но браузерные истории у нее уже имелись. Пара часто посещала различные сайты в Интернете. Хотя при внимательном изучении списков оказалось, что чаще всего оба заходили на один и тот же довольно специфический форум.

Назывался он «Нераскрытое и непознанное».

Аманда вбила адрес в свой собственный браузер.

Попала она на довольно халтурно сделанный сайт, посвященный реальным преступлениям. Название было небрежно начертано на самом верху красным – словно бы пальцем, обмакнутом в кровь, – а внизу располагался головокругительный перечень подфорумов. Ссылки на них были выстроены в хронологическом порядке по самому недавнему посту, и та, что располагалась на самом верху страницы, сразу же бросилась ей в глаза.

Крабтри/Робертс – «КР»

Упоминание «КР» вряд ли было простым совпадением. Она кликнула на ней – и оказалась перед очередной стеной постов, на каждый из которых было дано множество ответов. Несколько ссылок наверху были выделены курсивом – старые, закрепленные ветки, как она предположила, – но сердце у Аманды упало, когда она открыла самый свежий пост и начала читать ветку под ним.

ЛП242: Народ, только что получил кое-какую инфу про убийство в Фезербэнке. Я живу неподалеку, поэтому и узнал. Про убитого пока что никаких подробностей, но среди местных ходят слухи, что это подросток и что полиция уже посадила двух парней за решетку. Как бы это не @РФ532 и @ЭХ808? Сегодня их не было в Сети, насколько я понимаю. Надеюсь, они не сделали какую-нибудь глупость. Попытаюсь еще хоть что-нибудь разузнать.

КХ854: Я тоже не видел их в последнее время на форуме. Про само убийство было в новостях, но никакой связи с КР я пока не нашел. Давайте не будем делать поспешных выводов. Отслеживаю посты @РФ532 и @ЭХ808. Выходите на связь, парни!

СР483: Соболезнования несчастным родителям по-любому. Свои опасения относительно @РФ532 и @ЭХ808 уже не раз тут высказывал. Модераторам советую поразмыслить над тем, не стоит ли наконец забанить @ЧК666. Поскольку, если это правда, то у этого/этой @ЧК666 руки по локоть в крови.

ЛП242: Ок, переговорил с одним источником из правоохранительных органов, которому доверяю. Убитый и подозреваемые уже известны всей округе. Мне сказали, что жертва практически обезглавлена, обнаружены дневники сновидений, отпечатки ладоней на земле. 100 % КР, но полиция либо темнит, либо еще не увидела связи. Черт бы вас побрал, @РФ532 и @ЭХ808!!! Все мы тут постим всякую хрень, но я никогда не думал, что вы до такого докатитесь! Царство небесное бедному парнишке, которого вы убили, и надеюсь, что вы, парни, сгниете в аду!

Аманда еще раз перечитала всю ветку целиком.
«У этого/этой @ЧК666 руки по локоть в крови».
Глянув на часы, она сняла трубку телефона.

* * *

Рабочее место детектива Тео Роуэна располагалось в одном из полуподвальных помещений отдела. Кабинет его все называли «темной комнатой», и сразу по двум причинам. Во-первых, из-за отсутствия там окон и естественного света, а во-вторых, из-за того, чем Тео и его группа там занимались. Аманда знала, что многие ее коллеги откровенно его побаивались. И, по ее мнению, вполне справедливо. Если некоторые держат в голове запечатанные коробки с ужасами, то в голове у Тео это наверняка, блин, целый сундук!

Но свое дело он знал. Через двадцать минут после звонка ему ее компьютер звякнул, и на электронную почту сгрузились все посты и личные сообщения Хика и Фостера на форуме «Нераскрытое и непознанное». При виде объема материала, который предстояло изучить, Аманда только заморгала: вордовский документ, в который они были скопированы, был почти в сотню страниц. Эти двое явно были весьма активными участниками форума.

Прокручивая текст мышкой, Аманда начала читать в случайном порядке.

РФ532: С осознанными сновидениями пока лишь частичный успех. Есть некоторый опыт с КР, но нам с @ЭХ808 до сих пор трудно законнектиться. Совет?

ПТ109: Трудно сказать. Похоже, что у вас кое-какой прогресс. Но не пытайся бегать, пока не научишься ходить! Продолжайте с дневниками и инкубацией, и у вас с @ЭХ808 все обязательно получится. Не теряй веры, чувак!

Аманда прочла несколько похожих сообщений, которые были столь же туманны, но приводили к одному и тому же заключению. Фостер и Хик были вовлечены в какого-то рода эксперимент, в связи с чем искали совета и помощи на этом форуме. Однако было трудно понять, в чем именно этот эксперимент заключался.

По мере дальнейшего чтения в переписке наметился более зловещий поворот.

РФ532: Может кто-нибудь назвать точную марку ножа, который использовали ЧК и БР? Заранее спасибо.

ФГ634: Я могу! Это был охотничий нож «Итака S3». В газетах в то время было полно фоток. Прикладываю старые сканы, которые я тогда сделал. Размещается **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В ИНФОРМАЦИОННЫХ ЦЕЛЯХ**, как и всегда. Всем привет.

[нож. jpg]

[черная_вдова. jpg]

Картинки в документе не отображались. Но через несколько минут, в посте двухмесячной давности Аманда нашла то, что искала.

РФ532: Нужен совет, ребята. У нас с @ЭХ808 теперь полный успех. Совместные ОС каждую ночь. КР и всё прочее. Теперь подумываем о выходе на следующий уровень, но малость нервничаем, учитывая неудавшиеся попытки в прошлом. Как думаете, что там пошло не так? Почему это вышло у ЧК и обломалось у БР и прочих? Теории приветствуются.

ЧК666: Я был там. Давай в личку.

Аманда присмотрелась к экрану. Это был единственный вклад в ветку от пользователя, скрывающегося за ником «ЧК666». Нашлась еще горстка постов после, в том числе комментариев от СР483, выражающего опасения относительно вопроса Фостера и пытающегося привлечь внимание модераторов. Но, похоже, ни к чему это так и не привело, а ни Фостер, ни Хик больше не размещали откликов в этой ветке.

«Я был там. Давай в личку».

Запись частных переговоров двух парней на сайте была вставлена в самом конце файла. Аманда прокрутила текст до нее и быстро обнаружила обмен личными сообщениями между Фостером, Хиком и тем, кто выступал от имени ЧК666. Ветка заняла несколько страниц.

[Участники]: @РФ532, @ЭХ808, @ЧК666

РФ532: Привет, ЧК666! Когда ты сказал, что был там, то что имел в виду?

ЧК666: Ты вроде в курсе, что произошло в Гриттене. Это все, что я готов сказать, но этого вполне достаточно. Можешь прочитать между строк и сам все сообразить. Так хочешь получить ответ на свой вопрос или нет?

К этому сообщению была прикреплена какая-то картинка: [entry.jpg]. Аманда не могла открыть ее напрямую из документа, но, судя по последующим сообщениям, то, что на ней изображалось, произвело впечатление на Фостера и Хика.

РФ532: Вот это да!

ЧК666: Ну вот и славно. У Билли и остальных ничего не вышло, потому что они недостаточно сильно верили. Но это получилось у меня и может получиться у тебя. Тебе нужно просто следовать инструкциям.

Аманда продолжила чтение, чувствуя себя все более мерзко.

Через какое-то время она закрыла скоросшиватель с расшифровками и открыла национальную базу данных на компьютере, выискивая подробности другого преступления в совершенно другом месте. До настоящего момента Аманда никогда не слышала о Гриттене. Как оказалось, это промышленный городок в ста милях к северу от Фезербэнка. Четверть века назад там было совершено схожее убийство.

Она открыла файл.

И сразу подалась ближе к экрану, не в состоянии поверить увиденному. Там была фотография. Она была снята много лет назад, но с тем же успехом могла поступить из Фезербэнка прямо сегодня. На фото показывалась детская площадка. Тело на ней было затолкано под ближайшую живую изгородь – очевидно, в попытке наспех спрятать его, – а земля запятнана сотнями кровавых отпечатков ладоней.

Аманда стала читать, что там произошло.

В день убийства полиция вначале задержала подростка по имени Пол Адамс. Но в тот же вечер того отпустили, когда его ровесник Билли Робертс почти в полном беспмятстве вошел в поселок, держа в руках нож и тетрадь, и признался в содеянном. Он и еще один парень, которого звали Чарли Крабтри, убили в тот день на детской площадке одного из своих одноклассников.

Полиция Гриттена получила свои «что» и «кто» практически мгновенно, но вот что касается «почему», то ответ на этот вопрос появился чуть позже – история, которая понемногу складывалась по кусочкам на протяжении последующих дней и недель.

В месяцы, предшествовавшие преступлению, Чарли Крабтри и Билли Робертс до одержимости увлеклись осознанными сновидениями. Вели дневники. Искренне верили, что делят на двоих одни и те же сны, когда спят. И со временем вызвали в своем воображении призрачную фигуру, которая правила их вымышленным королевством и требовала в качестве жертвы себе человеческой жизни. Они верили, что, принеся такую жертву, исчезнут из реального мира и будут жить – всемогущие и всемогущие – в краях своих сновидений до скончания веков.

После убийства подростки отправились со своими ножами и дневниками сновидений в ближайший лес, приняли снотворное и завалились спать прямо на голой земле. Через несколько часов Билли Робертс проснулся и с трудом добрал до поселка, где был немедленно арестован.

В отличие от Чарли Крабтри.

Поскольку тот бесследно исчез с лица земли и никто его больше не видел.

Часть II

7

В наши дни

Первые несколько дней после возвращения в Гриттен я постоянно мотался между домом и хосписом.

Мать продолжала сдавать. Во время моих посещений она в основном спала, и всякий раз я терзался чувством вины за то, что это вызывает у меня лишь облегчение. Хотя я и твердил себе, что сейчас ей больше всего требуется покой, но при этом сознавал, что просто боюсь того, что она может сказать, если проснется. В те редкие случаи, когда такое все-таки происходило, я ловил себя на том, что, затаив дыхание, жду еще каких-то упоминаний о прошлом, которое я осознанно запечатал у себя в голове и всячески избегал. Но этого так и не случилось. Чаще всего она пребывала в полнейшем замешательстве и вроде вообще не узнавала меня, как будто я был совершенно посторонним для нее человеком. Не исключено, что так теперь оно и было, – мысль, которая тоже вызывала у меня чувство вины и приводила в замешательство меня самого. Я не знал, чего хочу. Не знал, что сказать и что хотел бы услышать.

Навестив ее, обычно я направлялся в ближайший паб и проводил там некоторое время. В это местное заведение, помню, я втихаря заглядывал еще подростком, и изменилось оно гораздо сильнее, чем я сам. Типичная захудалая пивнушка с посыпанным опилками полом теперь превратилась в шикарный спорт-бар с декором из темного дерева и мягким приглушенным светом. Днем тут никогда не бывало много народу. Я сидел за столиком за единственной бутылкой пива, прислушиваясь к пощелкиванию бильярдных шаров откуда-то из глубины зала, и где-то с час пытался не думать ни о чем вообще.

Потому что там, в материнском доме, повсюду были воспоминания.

Я уже убрал свои старые бумаги обратно в коробку, но все равно ощущал их присутствие там – как постоянную пульсацию угрозы, исходящую от письменного стола, и призрак того мальчишки, которого я представлял себе сидящим за ним, становился с каждым днем все более осязаемым.

Хорошо помню ту большую перемену, когда Чарли впервые заговорил с нами о снах – об «инкубации», – и как полночь в тот день застала меня сидящим за этим самым письменным столом. Это всегда было мое любимое время суток. Работа по дому и домашнее задание сделаны; в доме тихо; мои родители спят. Я потихоньку выбирался из постели, щелкал выключателем лампы и работал над своими рассказами. У меня было целое множество толстых тетрадей – я прятал их в ящике стола, поскольку отец не замедлил бы прочесть мои литературные опыты, если б нашел их, и могу легко представить презрительную усмешку у него на лице, случись такое и в самом деле.

Но в ту ночь тетрадь передо мной была абсолютно новой и чистой.

События после той большой перемены развивались в точности так, как я и ожидал. Чарли тогда решил, что все мы обязательно должны кое-что сделать, так что со временем мы согласились во все это вписаться. Даже на этом этапе все прошло совершенно предсказуемо. Джеймса предложение сразу заинтересовало, а значит, Билли – крайне не расположенный делиться с кем-то благосклонностью Чарли – тоже проголосовал «за». В результате неопределившимся остался только я – и со временем тоже сдался.

«Осознанные сновидения».

С каким бы скепсисом я ни относился к ним в то время, мысль о них интриговала меня. Оглядывая свою пыльную, облупленную спальню и размышляя о том, какой жалкой жизнью я

живу, представляя себе плоский, серый, приземленный мир вокруг себя, я все больше приходил к мысли, что перспектива избежать этого всего и испытать все то, чего я хочу, выглядит весьма привлекательно. Казалось, что достичь исполнения этой мечты каким-то иным способом мне в жизни не светит.

Чарли объявил, что первым делом всем надо завести дневники сновидений, а через неделю перечитать записи и поискать закономерности. Таким образом, мы с большей вероятностью опознаем их в будущем, на какой-то стадии уже будем сознавать, что спим и видим сон, и обретем способность его контролировать.

Лежа в постели в ту ночь, я некоторое время неотрывно смотрел в унылый потолок, а потом выключил свет шнуром, свисающим возле изголовья. Чарли объяснил, что нужно сказать себе кое-что перед тем, как заснуть. Это и есть «инкубация» – сигнал подсознанию, и хотя может показаться, что эти слова ушли в никуда, что-то в самой глубине головы услышит их и отреагирует.

«Я запомню то, что мне снилось», – сказал я себе тогда.

И это сработало. Проснувшись на следующее утро, я помнил гораздо больше, чем обычно. Когда я первым делом уселся за письменный стол с тетрадью, один за другим повалились образы, каждый из которых тянул за собой более ранний, как будто я взбирался по канату обратно в ночь.

В том сне, который запомнился мне наиболее живо и четко, я оказался на каком-то странном открытом рынке. Была ночь, и я бежал по узким проходам среди прилавков и ларьков, слишком погруженных во тьму, чтобы как следует их разглядеть. Вокруг меня суетились люди, серые и неясные, как призраки, и я знал, что мне нужно срочно выбраться отсюда – что тут есть *еще что-то*, помимо меня и всех остальных. Я слышал, как оно гневно топает то тут, то там в ближайших переходах, охотясь за мной, как Минотавр в лабиринте. И всё же все проходы выглядели абсолютно одинаково, и куда бы я ни сворачивал, казалось, нигде не было выхода.

И я понял, что не могу выбраться отсюда без посторонней помощи.

«Я нахожусь на каком-то темном рынке...» – начал записывать я.

* * *

Но не только воспоминания двадцатипятилетней давности заполняли сейчас дом. Была здесь еще и тишина, висящая в каждой комнате, которая с каждым днем казалась все более тяжелой и осуждающей. Что моя мать хотела сказать своими словами? *Что* было в доме?

Я пытался убедить себя, что это не имеет значения – что прошлое давно пора оставить в покое, – но бывали моменты, когда казалось, будто мы с домом пытаемся взять друг друга измором, и меня не оставляло чувство, что в какой-то степени он побеждает. И что-то плохое обязательно должно произойти, когда я наконец выясню, что мать имела в виду.

«Красные руки повсюду!»

Шел уже четвертый день, когда я увидел ее.

* * *

В тот момент я сидел в пабе перед наполовину пустой уже бутылкой пива, стоящей передо мной на столе. Потянулся, чтобы подхватить ее, проведя пальцем по прохладной испарине на стекле, и увидел, как напротив меня открывается дверь.

Вошла какая-то женщина – на миг лишь темный силуэт на фоне клина теплого солнечного света, упавшего из-за двери. Я сумел мельком ухватить взглядом ее лицо, но не успел даже вздрогнуть при виде чего-то смутно знакомого, как она сразу же повернулась ко мне спиной и направилась к стойке бара.

«Это ведь?..»

На ней были голубые джинсы и щегольская черная кожаная куртка, каштановые волосы свисали до середины спины. Я посмотрел, как она роется в сумочке и кошельке. Выждал, убеждая себя сохранять спокойствие – повторяя себе, что на самом деле это не она. Барменша принесла бокал белого вина, которое тут при мне никто не заказывал, после чего женщина зашелкнула сумочку и повернулась, оглядывая паб в поисках, куда бы присесть.

Несколько секунд было трудно поверить собственным глазам.

Дженни теперь выглядела совсем по-другому, конечно, и все же почему-то точно так же, как и тогда. Я все равно разглядел в ней ту пятнадцатилетнюю девчонку, которую некогда знал: теперь, в сорок, жизнь успела добавить к ее лицу несколько новых незнакомых штрихов, но оно все равно узнавалось с первого взгляда.

Всех этих лет как ни бывало.

«Пожалуй, будет лучше, если она тебя не заметит».

Но тут взгляд Дженни встретился с моим, на миг метнулся вбок, а потом вернулся опять. Она нахмурилась. Я понял, что у нее возникла та же мысль, что и у меня.

«Это ведь?..»

И тут она улыбнулась.

Господи, ее улыбка совершенно не изменилась!

При виде нее в груди у меня растеклось тепло, и любой страх или сомнения насчет того, стоит ли повидаться с нею вновь, рассеялись без следа, когда Дженни подошла ко мне, цокая высокими каблуками довольно дорогих на вид сапожек по деревянному полу.

– Батюшки светы! – произнесла она. – Ну привет, бродяга.

– Привет. Ни фиги себе!

– Действительно ни фиги себе... Давно это было?

Я попытался сообразить. Дженни несколько раз навещала меня в университете, но все это начинало уже выглядеть как-то неловко, и в какой-то момент мы окончательно потеряли друг друга из виду.

– Лет двадцать уже? – предположил я.

– Просто с ума сойти!

Секунду Дженни тихо изучала меня. Интересно, что она при этом видела. Моя собственная внешность – поношенная одежда, всклокоченные волосы, усталые глаза – наверняка представляла собой разительный контраст с ее собственной.

– Ничего, если я присяду к тебе? – спросила она.

– Ну конечно!

Усевшись напротив меня, Дженни поставила свой бокал с вином на стол.

– Вообще-то не такая уж неожиданность тебя тут встретить, – сказала она. – Я уже слышала о твоём приезде.

Я поднял бровь.

– О?

– Угу. Народу мало, новости распространяются быстро... Короче, всё как обычно. Сам знаешь, что это за место.

– Знаю.

– Я бы сама вышла на связь, однако... Ну, сам понимаешь.

Да. Я хорошо помнил, чем у нас с ней все кончилось.

– Еще как понимаю, – сказал я.

Дженни печально улыбнулась. Повисла секунда тишины, а потом она посмотрела на свой бокал и медленно провела пальцем по ободку.

– Послушай, мне было искренне жаль услышать про твою мать.

– Спасибо.

Ответ вырвался совершенно машинально, но я тут же осознал, насколько резко и формально это прозвучало. Помимо всего прочего, эти последние несколько дней я тщетно пытался подавить и свое чувство вины, но показалось, что с Дженни вполне можно немного отпустить тормоза.

– Сам не знаю, что сейчас чувствую, – признался я. – Мне следовало бы давно быть здесь, но мы с матерью в последнее время не слишком-то часто общались. Я даже не знал, насколько она больна. Я не бывал в Гриттене с тех самых пор, как уехал отсюда.

Дженни пригубила вина.

– А мне кажется, что я тут так и осталась, – произнесла она. – Я довольно часто заглядываю к маме. Ты ведь помнишь мою маму?

– Конечно. Как она?

Дженни кивнула каким-то свои мыслям.

– Да вроде неплохо. Состарилась, но в целом все ничего.

– Лучше уж так, чем как-то по-другому.

– Что верно, то верно... Господи, неужели ты и вправду сюда ни разу не возвращался?

– Нет, – ответил я. – Как уехал в универ, так и с концами.

– Как так вышло?

– Здесь слишком много плохих воспоминаний.

– Понимаю тебя. – Дженни секунду помолчала. – Но есть ведь и хорошие, верно?

Она отважилась улыбнуться, и помимо воли я улыбнулся в ответ. Было трудно думать об этом с такой стороны, но да, были здесь и хорошие воспоминания. Объективно говоря, остались в памяти и действительно светлые моменты. Даже не просто светлые – буквально наполненные светом. Проблема заключалась лишь в том, что случившееся после отбросило на них такую тень, что они практически пропали из виду.

– Как выяснилось, у меня до сих пор твоя книга, кстати, – заметил я.

– Моя книга? – Ей понадобилось какое-то время. – Ах да – «Люди кошмаров»?

– Она самая.

Дженни принесла ее мне в школу на следующий день после нашей встречи: потрепанную антологию классических рассказов ужасов⁸. Корешок потрескался, как древесная кора, а в верхнем углу титульной страницы бледно проглядывала написанная карандашом цена – десять пенсов. Не такие уж большие деньги, естественно, и она отдала ее мне со столь же едва ли не демонстративно безразличным видом, с каким накануне предложила ее принести, но мне все-таки показалось, что эта книга важна для нее, так что я сразу решил обращаться с ней как можно более бережно. Если этому томику и грозила опасность рассыпаться на части, то, по крайней мере, не в моих руках.

И, полагаю, я с этой задачей успешно справился.

– По-моему, моя мать читала ее, – сказал я.

– Угу, но, что более важно, *ты-то* ее все-таки прочел?

Я улыбнулся.

– И не один раз.

– Ты по-прежнему пишешь?

– Не. Сама ведь знаешь, как говорится: те, кто чего-то не умеет, учат других.

Я подхватил свое пиво и немного рассказал ей о своей работе в университете и предметах, которые преподаю.

– Ну а ты? – спросил я.

⁸ Вообще-то «Люди кошмаров» с красным дьявольским лицом на обложке – это роман американского писателя Л. Уотт-Эванса, впервые опубликованный в 1990 г., но у автора так.

– Ну да, – кивнула Дженни. – По-прежнему всем этим занимаюсь. Искусство и музыка. Но в основном литература. У меня уже несколько книг вышли.

– Ого!

Я был искренне рад за нее – классно, что хотя бы один из нас не забросил свою детскую мечту. И, откинувшись на стуле, окончательно осознал, насколько здорово разговаривать с ней опять, даже после всех этих лет. Выглядела Дженни просто потрясно, и меня поразило, насколько *счастливой* она казалась. Я был очень доволен тем, что все у нее в итоге срослось – что она в конце концов вырвалась из Гриттена и живет настоящей жизнью.

– Ого! – повторил я. – Не знал. Обязательно поищу твои книжки.

Дженни заговорщицки постукала себя пальцем по носу.

– Я публикуюсь под псевдонимом.

– Который ты мне, естественно, не назовешь?

– Нет. Во всяком случае, довольно о работе. Как насчет семьи? Жена, дети?

Я помотал головой. За прошедшие годы мне не раз случалось вступать в отношения с женщинами, в том числе и серьезные, но в итоге так ничего и не срослось. Наверное, это прозвучало бы чересчур драматически, если бы я сказал, что женщины, с которыми я встречался, чувствовали нечто темное в моем прошлом, но тень того, что тогда произошло в Гриттене, действительно время от времени падала на меня. Я не пускал людей в себя; в худшем случае отталкивал их. Необходимость всеми силами избегать близкого рассмотрения причин, вынуждающих меня к этому, всякий раз оказывалась для меня гораздо важнее отношений, в которых я оказывался втянут, – и я знал, где-то в самой глубине души, что все равно нет основы для чего-то долговременного.

– Так и не сложилось, – ответил я.

И по какой-то причине противился побуждению задать подобный вопрос в ответ. На руке у Дженни не было обручального кольца. Но это абсолютно ничего не значило, и на тот момент я решил, что и не хочу знать.

Несколько секунд мы посидели в молчании.

– Твоя мать хорошо устроена? – спросила Дженни.

– Она спит в основном. А когда просыпается, то не узнает меня, хотя...

Я нахмурился.

Дженни пришлось меня слегка подтолкнуть.

– Хотя бывают и исключения?

– Разве что в тот первый раз, когда я только приехал к ней.

И поскольку опять-таки показалось, что говорить о таких вещах с Дженни можно совершенно спокойно, я рассказал ей, что именно моя мать сказала мне в тот мой первый визит. Что мне нельзя находиться здесь. Что повсюду «красные руки». Что в доме есть что-то.

Дженни покачала головой.

– И что там может быть в доме?

– Не знаю, – ответил я. – Наверное, ничего. Там была коробка с моими старыми бумагами, которые она явно перебирала, так что, может, мать чувствовала себя виноватой за то, что я это заметил. Но она не в себе. Это наверняка вообще ничего не значит.

– Да, но ты про это упомянул. Ясно, что это тебя беспокоит.

Я помедлил.

– Потому что я изо всех сил стараюсь не думать об этом. Я слегка прибрался в доме. Посидел с ней. – Я неопределенно махнул рукой. – Я просто хочу сделать то, что нужно сделать, а потом поскорей свалить отсюда. Вернуться домой. Оставить прошлое там, где ему и место.

Прежде чем я успел закончить, Дженни уже мотала головой.

– Но это же полная чушь, Пол! Тебе не нужно ни о чем таком переживать. В смысле, посмотри сейчас на нас обоих. Что, так уж страшно видеть меня опять?

– Нет. Это просто замечательно.

– Вот именно. А я ведь тоже прошлое, разве не так? Прошлое было очень давно. Оно больше не может сделать тебе ничего дурного.

– Наверное.

Дженни глянула на часы и допила вино.

– Мне надо идти. – Она встала. – Но если тебя так беспокоит то, что сказала твоя мать, может... просто *предпримешь* что-нибудь по этому поводу? Не исключено, что ты и прав – скорее всего, все это действительно ни о чем. Но по-любому здесь нет ничего, чего стоило бы опасаться.

– Наверное.

– Только послушай себя: «Наверное, наверное»... Любимое словечко. – Дженни забросила ремешок сумочки на плечо. – *Наверное*, еще увидимся?

– Надеюсь, – сказал я.

И тут вновь ощутил это теплое чувство в груди, глядя, как она идет к дверям – крошечный огонек в густом сумраке. словно пламя свечи, которое хочется прикрыть ладонями и слегка подуть на него, чтоб оно разгорелось еще ярче. Но, конечно же, всегда есть опасность, когда так поступаешь.

Всегда есть риск, что оно, наоборот, потухнет.

8

«Может, просто предпримешь что-нибудь по этому поводу?»

Эти слова Дженни оставались со мной и на следующее утро, и, кое-как поворачиваясь под душем в крошечной порыжевшей от ржавчины кабинке в нашей старой ванной комнате, я в конце концов пришел к мысли, что она права.

«Господи, это прямо в доме, Пол!»

«Прямо в этом чертовом доме!»

Что бы моя мать ни имела в виду, утверждая, что «это» в доме, наверняка к ее словам не стоило относиться всерьез. В любом случае бояться тут было нечего, однако я подумал, что перед тем, как оставить этот дом навсегда, мне нужно окончательно в этом убедиться. Когда я закрыл краны и стал вытираться, показалось, что тишина в доме гудит, как работающий трансформатор.

Напряженно и выжидающе.

Я уже пытался заниматься кое-какой работенкой в своей старой комнате, и на письменном столе стоял мой лэптоп. Одевшись, я подошел к нему и сдвинул в сторону. Потом поставил на его место коробку со своими старыми бумагами и стал методично выкладывать ее содержимое на стол, предмет за предметом.

Тетради и дневник сновидений.

Литературный журнал.

Тонкую книжку в твердом переплете – «Юные писатели».

Каждый вынутый из коробки предмет вызывал вспышку узнавания. Они казались волшебными артефактами, которые все вместе пытались поведать мне какую-то историю. Я взял журнал, ощутив под пальцами шершавые и жесткие от старости страницы, глянул на обложку – «Литературная жизнь», – после чего перевернул его и прочитал то, что написано на ее задней сторонке, чувствуя, как годы ускользают от меня. Положил его обратно на стол. Несмотря на свой решительный настрой, я пока не был готов выслушать рассказы всех этих вещей от начала до конца. И пусть даже в разговоре с Дженни я и высказал предположение, что мать просматривала содержимое коробки, но далеко не был убежден, что таинственное «это» скрывалось именно там.

Так что же она имела в виду?

До сих пор я проводил большую часть свободного от поездок в хоспис времени, прибираясь в доме: навел порядок в кухне, упрятал в гардероб одеяла, оставленные на диване в гостиной, подмел и натер полы... И хотя вроде бы по верхам осмотрел чуть ли не весь дом, все равно казалось, что скорее просто оттягивал решающий момент. И вот теперь, наконец собравшись с духом, полностью сосредоточился на попытке ответить на вопрос, который поставили передо мной слова матери, – выдвигал ящики и распахивал дверцы шкафчиков, попросту вываливая их содержимое на пол, сдергивал диванные подушки, не возвращая их на место... После нескольких дней заботливого отношения к дому теперь я посвятил себя прямо противоположному: крепко ухватил его за горло и стал вырывать потроха, пытаюсь найти хоть что-то, что могло объяснить услышанное тогда в хосписе.

Но так ничего и не нашел.

Или, по крайней мере, ничего, что могло бы помочь. Хотя везде были воспоминания, засевшие в складках и швах дома, словно пыль. Перебирая одежду матери, я узнавал вещи, которые помнил на ней: старые джинсы, вытертые добела и залатанные на коленях; тонкую черную куртку, которую она всегда ухитрялась носить зимой; полный мешок туфель, вложенных друг в друга подошвами наружу и так плотно сжатых, что они казались приклеенными друг к другу.

Среди воспоминаний таились и загадки – реликты жизни, о которой я практически не знал. В небольшой шкатулке для драгоценностей, среди колец и браслетов, я нашел медальон на цепочке, за крышкой которого скрывалось овальное черно-белое фото какой-то незнакомой мне женщины. Моей бабушки, наверное, – но было невозможно сказать точно, поскольку даже те части моего прошлого, которые я не предпочел намеренно забыть, успели рассыпаться в пыль. Мне пришло в голову, что после смерти матери я буду всем, что только и осталось от семьи, которую я практически не знал, и на миг все моя взрослая уверенность в себе испарилась, оставив лишь чувство потери и неопределенности.

Но самой удивительной находкой оказались фотографии, которые я нашел беспорядочно сваленными в обувную коробку, наполненную до краев. Я вывалил ее содержимое на кровать и разложил на одеяле налезаящими друг на друга квадратиками мозаики. Порядка здесь не было никакого. Различные события из прошлого свободно перемешались между собой, оказавшись и сверху, и снизу; люди и места из разных веков лежали бок о бок.

Нашел я среди них и себя.

Я подобрал фотографию себя во младенчестве, лежащего на руках у матери: я тут плачу, но она, несмотря на усталый вид, всю улыбається. А вот я годика в три или четыре – бодро топаю по дорожке у нас во дворе, радостно ухмыляясь кому-то за пределами кадра. Вот мне шесть лет, качу на велике с боковыми колесиками. Вот школьное фото лет в восемь или девять – стрижка явно домашняя, волосы торчат клочками, щеки испещрены веснушками. Вот мой одиннадцатый день рождения: руки засунуты в карманы, рубашка висит на худеньких плечиках, словно на вешалке, – стою, неловко переминаясь, рядом с тортом, который испекла мне мать...

И она тоже была здесь.

Первым делом притянули взгляд как раз не мои детские фотки, а эти куда как более старые снимки – изображения настолько выцветшие, словно бумага, на которой они были напечатаны, стала забывать их. На одном моя мать представляла еще маленькой девочкой, лежащей на траве и робко улыбающейся в объектив, подняв глаза от раскрытой перед ней книги. На другой она была чуть постарше, стояла перед каким-то незнакомым мне домом, прикрыв глаза от солнца.

Но сильнее всего меня поразили ее подростковые фотографии. Она была очень красива, и фотограф большей частью заставлял ее врасплох: лицо без единой морщинки, вся жизнь перед ней, глаза сверкают, она заливисто смеется. Среди прочих я нашел постановочное групповое фото пяти ребят, сидящих на крыльце. Трое из них были мне незнакомы, но справа была моя мать, рядом с парнишкой-подростком, в котором я, вздрогнув, узнал Карла Доусона – того самого, который впоследствии женился на Айлин и стал отчимом Джеймса.

На этом фото он повернулся к ней. Руки моей матери чинно лежали на коленях, но на лице застыло невероятно довольное выражение, нечто среднее между изумлением и весельем, словно он нарочно сказал что-то из ряда вон выходящее в тот самый момент, когда фотограф нажал на спуск.

«Знаешь, твоя жизнь могла бы быть намного лучше...»

Я на секунду прикрыл глаза, а потом собрал фотографии и сложил их обратно в коробку. Мать я всегда воспринимал как некую данность – почти что театральную роль, – и было странно оказаться перед лицом факта, который давно уже должен был мне открыться: что она была человеком со своими собственными мечтами и стремлениями, который чувствовал то же самое, что и я, и у которого некогда была жизнь, не имеющая абсолютно никакого отношения ко мне.

Но ничего из этого и на йоту не приблизило меня к тому, что требовалось выяснить.

«Это прямо в доме!»

Я вышел на лестничную площадку и потерял лоб. Наверное, следовало бы испытать облегчение, что ничего не нашлось, но, осуществив задуманное, я ощутил лишь тоскливое раздражение. Отсутствие свидетельств – это не свидетельство их отсутствия. Из того факта, что я ничего не обнаружил, отнюдь не вытекало, что искать было нечего: означало это лишь то, что я так и останусь в неведении, а неразгаданная загадка будет терзать меня до скончания дней.

Тишина все еще гудела.

«Ну давай же, дом, – подумал я. – Я сделал все, что мог. Пойди же мне навстречу!»

Но, естественно, дом ничего не ответил.

Окно на площадке, выходящее на задний двор с садом, смотрело прямо на лес за ним – на Сумраки, как его тут всегда называли. Я некоторое время неотрывно смотрел на вытянувшиеся ввысь деревья, образующие сплошную стену изломанной зелени чуть ли не в полнеба вышиной.

А потом поднял взгляд чуть выше. И прямо над собой увидел тонкие очертания потолочного люка.

Чердак.

Гудение в доме немного усилилось.

В своем нынешнем состоянии мать явно никак не могла подняться туда, но я совершенно не представлял, когда именно ее физическое здоровье стало ее всерьез подводить или как быстро оно ухудшалось. И хотя подобная перспектива меня ничуть не вдохновляла, чердак был единственным местом в доме, которое я пока не исследовал.

Так что я поднял руку и нажал на край люка.

Тот слегка приподнялся. Послышался слабый щелчок, и, когда я стал опускать руку, люк пошел вслед за ней вниз. Я ожидал, что меня засыплет пылью и паутиной, но этого не случилось. Пространство наверху казалось угольно-черным, и слышалось лишь легкое шуршание исходящего из него воздуха.

С обратной стороны к проему была приделана складная лестница-стремянка. Потянувшись к ней, я перевалил ее через край, а потом с лязгом разложил, уперев нижней частью в ковер. В детстве я несколько раз залезал на чердак, но когда сейчас стал взбираться наверх, металл ступенек казался куда как более хлипким и ненадежным, чем помнилось. Поднимался я с остановками, всякий раз опасливо пробуя ногой каждую из прогибающихся под моим весом перекладин.

Воздух на чердаке был влажным и прохладным – полным запаха старых тряпок, пыли и сырости. Опершись руками о грубое дерево настила, я осторожно выпрямился. Встав, шагнул вперед, слегка пошатнувшись и внезапно осознав высоту и расстояние. Проем люка у меня за спиной выглядел совсем крошечным, и казалось, что солнечный свет, падающий на лестничную площадку внизу, отделяют от меня мили, а не метры. Я словно оказался в совершенно другом мире, отгороженном от всего остального дома.

Протянув руку вправо, я обнаружил шнурок выключателя.

Щелк!

«Черт!»

В ту же секунду вокруг меня словно вспорхнула целая стая ярко-красных птиц.

Зрелище было такое ошарашивающее, что со скакнувшим сердцем я отпрянул назад и едва не свалился обратно в люк. Но тут картина вокруг меня сложилась в то, что на самом деле собой представляла. Никакие это были не птицы. Оказалось, что внутренние скаты крыши сплошь покрыты алыми отпечатками ладоней. Здесь их были сотни, оставленных на дереве под разными углами, местами красные пятерни наслаивались друг на друга – их растопыренные пальцы и показались мне крыльями.

Все отпечатки были одного размера. Все достаточно маленькие, чтобы принадлежать моей матери. Я представил себе, как она поднимается сюда – тогда, когда это еще ей было под силу, – и порхает среди балок, как привидение, прижимая ладони с капающей с них краской

к доскам. А еще я заметил, что и воздух здесь пахнет по-другому, да и вообще все ощущается совсем по-другому.

Я словно оказался внутри какого-то безумия.

С колотящимся сердцем я перевел взгляд от отпечатков в дальний конец чердака. И когда увидел, что там, все вокруг словно застыло.

«Это прямо в доме, Пол!»

Поскольку я подумал, что наконец-то нашел «это».

9

Тогда

Помню, как через неделю после начала эксперимента с дневниками сновидений мы спустились по лестнице к помещению «С5-б» вместе с Джеймсом, который шел позади меня.

– Ну, как настроение?

– Нормуль.

Было ясно, что это не так. Даже если он и не желал признавать этого, я вполне мог предположить наиболее вероятную причину почему. В эту большую перемену нам предстояло поделиться своими записями в дневниках сновидений, и по беспокойной манере Джеймса было понятно, что он боится разочаровать Чарли. Осознание этого вызвало привычный укол раздражения. Ну почему он придает этому такое большое значение?

– Да все это полная дурь, – сказал я.

– У тебя получается?

– А кого это волнует?

Дело в том, что у меня и вправду получалось – по крайней мере, до определенной степени. Каждое утро на этой неделе мне все успешнее удавалось припомнить сны, снявшиеся прошлой ночью, а в эту ночь я увидел сон, который сразу узнал. На сей раз оказался я не на погруженном во тьму рынке, но примерно в такой же обстановке – в каком-то тесном, похожем на лабиринт месте, где я заблудился, все с тем же с ощущением, что за мной что-то охотится.

Страх, испытанный во время этого сна, не прошел и после пробуждения. Но примешивалась к нему и будоражащая дрожь сбывшихся надежд. Казалось, будто на меня снизошло некое озарение, позволившее мне одним глазком взглянуть на зубчики шестеренок, крутящихся под поверхностью моего сознания.

Чарли оказался прав.

Что я отнюдь не собирался признавать перед ним, естественно.

– Да не переживай ты так, – сказал я Джеймсу. – Все это полная фигня.

Когда мы вошли в комнату, Чарли сидел на своем обычном месте на дальнем конце. Билли устроился в одном из кресел поблизости, держа в руках старый ежедневник – очевидно, приспособленный для целей эксперимента. Когда Джеймс достал свой дневник, я увидел, что это просто стопка листов формата А4, сложенных пополам и скрепленных степлером в месте сгиба. Дневник сновидений Чарли лежал на столе перед ним. Это была толстая тетрадь в черной обложке, в точности такая же, какие я использовал для своих литературных опытов, и как та, в которой начал записывать свои собственные сны. Сам не знаю почему, но это породило у меня ощущение, будто между нами двумя открыты какого-то рода необъявленные военные действия.

– Итак, – произнес Чарли. – Кто хочет начать? Джеймс?

Джеймс неловко поерзал в кресле.

«Господи, – подумал я. – Соберись, братан!» Я и сам не знал, хочу ли успокоить его или же, наоборот, встряхнуть. Но оказалось, что мне не было нужды заморачиваться ни тем, ни другим, поскольку Билли явно не собирался позволить Джеймсу сместить его с законной должности правой руки Чарли.

– У меня было осознанное сновидение. – Билли улыбнулся, явно довольный собой. – Реально получилось – все, как ты и сказал. Как-то раз мне приснилось, что я у отца в мастерской, а потом точно такой же сон я увидел на следующую ночь. И тут словно какой-то выключатель щелкнул или типа того. Я полностью проснулся в этом своем сне. Просто обалдеть! Провел носовой тест и все такое.

– А что за «носовой тест»? – спросил я.

– Мы еще до этого дойдем. – Чарли не смотрел на меня. – Билли, я очень доволен. Билли тихо расцвел в улыбке.

– И долго ты сознавал свой сон? – спросил Чарли.

– Не особо. Я почти сразу проснулся. От неожиданности.

– Так что ты не успел использовать тактильную технику?

– Нет, просто забыл.

Чарли был явно разочарован, и Билли перестал улыбаться, на сей раз откровенно смутившись. Что же до меня, то я просто старался сохранять прежний настрой. Бросив взгляд вбок, понял, что Джеймс настолько же сбит с толку, как и я. Чарли вел себя так, будто принимал у нас какой-то экзамен, не проведя ни одного урока, чтобы подготовить нас к нему.

– Что это еще, блин, за «тактильная техника»? – спросил я.

– Я же сказал, что объясню. – Чарли повернулся ко мне. – Ну а ты, Пол? Как ты справился?

На тот момент я вообще-то еще окончательно не решил, стоит ли рассказывать ему про достигнутый успех, но мне не понравилось, как он при этом выразился. «Как ты справился?» Как будто я был обязан перед ним отчитываться.

– Да вообще никак, – ответил я.

– Никак?

– Может, если б я знал хоть что-то про этот «носовой тест»...

Чарли проигнорировал этот выпад и просто кивнул, словно чего-то подобного и ожидал. Никакого разочарования, как в случае с Билли.

– Ну а у тебя, Джеймс? – продолжил он.

Джеймс неловко прижал скрепленные степлером листки к колену.

«Да блин же! – хотелось мне сказать ему. – Это же все полная чушь!»

– Ничего, – с несчастным видом произнес Джеймс. – Как и у Пола.

Эти слова меня несколько задели, а еще больше – тон, какими они были произнесены.

Он подал это так, будто корень всех его бед в том, что он такой же, как я.

– И ты не заметил каких-то закономерностей? – спросил Чарли.

– Вообще никаких. Каждый раз разное.

– Это нормально. Просто требуется тренировка и опыт. Позанимайся этим еще с недельку, и все обязательно получится. Ты молодец хотя бы в том, что просто попытался.

Джеймс одарил Чарли нервной улыбкой.

Билли посмотрел на него.

– А что тебе вообще снилось?

Джеймс бросил взгляд на то, что сходило у него за тетрадь.

– Да ничего интересного.

– Нет уж, дай-ка сюда! – Билли подался вперед и сделал вид, будто хочет выхватить у Джеймса его дневник сновидений. – Может, мы найдем какие-то закономерности, если ты сам не можешь!

Джеймс отпрянул от него.

– Нет!

– Тогда просто скажи.

– Ну... сегодня ночью мне снился лес. – Джеймс бросил на меня взгляд. – Тот, который за нашим поселком. Сумраки.

Вид у него был слегка виноватый. Наверное, потому, что после всех этих экспедиций по выходным, которые мы вчетвером устраивали, поселок и лес больше не казались *нашими*. Может, мы с Джеймсом тут и выросли, но это Чарли начал водить нас туда и сочинять всякие истории про призраков.

– Продолжай, – велел Чарли.

– Во сне было темно. Я стоял у себя в саду, у самых деревьев, заглядывая в лес.

– Еще кто-нибудь там был?

– В саду позади меня было полно народу – как если бы там происходила какая-то вечеринка. По-моему, на некоторых были маски и капюшоны. Но было не страшно. Больше похоже на какое-то сборище, на которое меня не пригласили.

Чарли подался вперед, теперь заинтригованный.

– Ну а что лес?

Джеймс ненадолго погрузился в молчание.

– Ну, там... там в лесу, по-моему, кто-то был.

– Один человек?

– Непонятно. Я просто чувствовал, что там кто-то есть. И казалось, что они меня видят – словно смотрят прямо на меня. Потому что сад у меня за спиной был ярко освещен, понимаешь? Но они были за деревьями – в темноте, – так что мне их не было видно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.